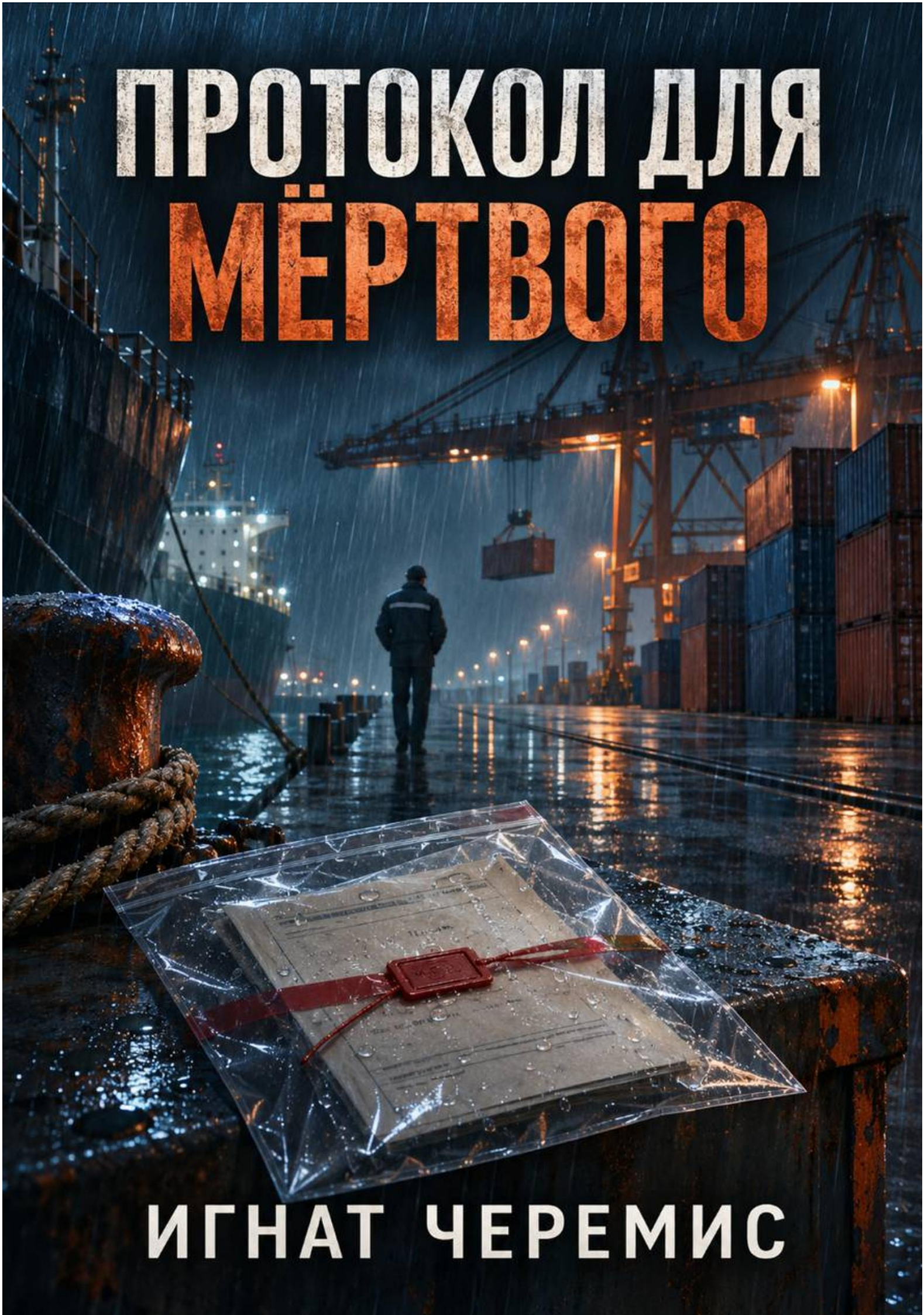
ПРОТОКОЛ ДЛЯ МЁРТВОГО

ИГНАТ ЧЕРЕМИС

Игнат Черемис

Протокол для мёртвого

«Автор»
2026

Черемис И.

Протокол для мёртвого / И. Черемис — «Автор», 2026

Портового ревизора Павла Седых ещё не подняли из воды, а дело о его смерти уже закрыто как несчастный случай. Бывший опер Андрей Лунёв давно работает охранником торгового центра и не имеет права вести расследование. Но дочь погибшего приносит ему записку отца: «два веса — одна пломба».Два весовых билета, две разные пломбы с одним номером и неверная отметка прилива ведут к двойной бухгалтерии грузового порта. А готовый протокол написан словами, которые Андрей уже видел семь лет назад — в деле, где его бывший напарник солгал из жалости. Чтобы доказать убийство, Андрей должен раскрыть старый подлог и признаться в собственном нарушении, рискуя последней работой и лицензией.

© Черемис И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Дело до осмотра 6
Глава 2. Два веса — одна пломба 13
Глава 3. Напарник у воды 20
Глава 4. Сухая куртка 25
Глава 5. Билет на шестьсот двадцать 34
Глава 6. Вдова, которую пожалели 41
Глава 7. Смена без машины 48
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Игнат Черемис
Протокол для мёртвого

От автора

Иногда неправду записывают не ради денег и не из страха. Человек может солгать из жалости, уверенный, что исправляет чужую беду. Но документ не умеет хранить добрые намерения отдельно от последствий. Одна удобная строка переживает своего автора, становится рычагом в чужих руках и однажды помогает закрыть уже совсем другое дело.

Этот роман — о расследовании, в котором вес металла, след краски и уровень воды надёжнее служебных формулировок. Все важные улики появятся до развязки. Их можно заметить вместе с героем и проверить обычной логикой, без тайного знания, внезапного признания или случайного спасения.

Но прежде всего это история о цене товарищества. Бывшему оперу Андрею Лунёву придётся решить, что вернее по отношению к старому напарнику: сохранить его тайну или не позволить этой тайне стать оправданием нового преступления. Ответ потребует не красивых слов, а поступка, после которого нельзя вернуть прежнюю жизнь.

Глава 1. Дело до осмотра

Марина Седых пришла в торговый центр за восемь минут до закрытия. Андрей заметил её потому, что она не смотрела ни на витрины, ни на часы над стойкой справочной. Люди, которые опаздывали за покупками, шли быстро и заранее искали глазами нужный поворот. Эта женщина стояла у стеклянных дверей, прижимая к груди прозрачную папку, и наблюдала за охранниками.

В «Маяке» гасили половину потолочных ламп. Поломоечная машина медленно выползла из продуктового магазина, оставляя на плитке влажную дугу. Из динамиков уже прозвучало первое напоминание о закрытии. Андрей закончил разговор с продавцом, который в третий раз за неделю забыл запереть боковую решётку, и подошёл к женщине.

— Торговый центр закрывается через семь минут. Вам помочь найти выход?

— Вы Андрей Лунёв?

Она произнесла фамилию правильно, с «ё». Так говорили люди, которые заранее спрашивали о нём, а не прочли имя на служебной карточке. На карточке было напечатано через «е».

— Кто вам сказал?

— Отец. Павел Седых.

Имя ничего не объяснило. Андрей оглянулся на центральный пост. Молодой охранник Коля уже собирал рации на зарядку и делал вид, что не слушает.

— Я не знаю вашего отца.

— Знали раньше. Он сказал, что вы работали в уголовном розыске. И что, если с ним случится что-нибудь в порту, мне нужно найти вас.

Андрей почувствовал не тревогу, а раздражение. Оно приходило первым, когда кто-то вытаскивал из прошлого слово «розыск», будто старую форму из шкафа и требовал, чтобы она всё ещё была впору.

— Ваш отец ошибся. Я здесь работаю.

— Он умер сегодня ночью.

Поломоечная машина развернулась у них за спиной. Щётки зашуршали по шву между плитками, и несколько секунд Андрей смотрел на воду, которая собиралась перед резиновым скребком. Потом протянул руку к папке.

— Покажите.

Марина не отдала её.

— Здесь копия. Оригинал у человека, который прислал мне фотографию. Он боится.

— Тогда зачем пришли ко мне?

— Потому что это написали до того, как нашли отца.

Коля у стойки перестал притворяться. Андрей жестом велел ему заняться дверями и повёл Марину к служебной комнате. Там пахло растворимым кофе, мокрыми куртками и пластиком нагретых зарядных устройств. На стене висели схемы эвакуации, под ними — расписание смен. Никакой тайны помещение не обещало, и Андрей предпочитал именно такие места для плохих разговоров.

Марина села на край стула. Ей было около двадцати пяти. Тёмные волосы она стянула резинкой, на рукаве серого пальто осталась белая полоса, словно она прислонялась к меловой стене. Папку положила на стол и вынула один лист.

Это была фотография экрана, распечатанная на обычном принтере. Вверху читалось: «Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела». Ни номера, ни подписи. Ниже стояла дата — сегодняшняя. Текст сообщал, что Павел Андреевич Седых, находясь на краю причала номер семь, потерял равновесие, упал в воду и погиб. Следов насилия не обнаружено. Камеры не охватывали место происшествия. Очевидцев не имелось.

Андрей дочитал до конца и вернулся к первой строке.

— Это заготовка.

— Человек, который прислал её, работает в порту. Время файла — два часа ночи.

— Время файла можно изменить.

— Отца нашли в четыре сорок.

— Кто нашёл?

— Докер. Увидел ботинок между сваями. Сейчас тело ещё в воде. Ждут спасателей и следователя из города.

Андрей поднял глаза.

— Откуда вы знаете, что ещё в воде?

— Я была там двадцать минут назад. Меня не пустили за ворота, но с набережной видно седьмой причал. Там катер и люди с баграми. Потом охранник сказал, что мне лучше ехать домой и ждать звонка.

— А вы приехали сюда.

— Да.

В листе было слишком много готового. Не только причина смерти. Место падения, отсутствие камер, отсутствие свидетелей. Такую заготовку могли составить по устному сообщению, чтобы потом не терять время. Андрей видел десятки документов, начатых заранее. Дежурные копировали старый текст, меняли фамилию, оставляли пустые строки. Сам по себе файл ничего не доказывал.

Но фраза «потерял равновесие» не была пустой строкой.

— Ваш отец пил?

Марина резко выпрямилась.

— Нет.

— Я не обвиняю. Мне нужно понять, почему выбрали именно эту версию.

— У него было сердце. Два года назад поставили стент. Возможно, они скажут, что ему стало плохо.

— В бумаге про сердце ничего нет.

— Пока нет.

Она сказала это без слёз и без надежды понравиться. Андрей знал такой голос. Человек ещё не успел принять смерть и поэтому решал всё, что можно было решить руками: распечатать фотографию, найти адрес, доехать, задать вопрос. Горе догонит позже, когда закончатся поручения.

— Что ваш отец делал в порту?

— Ревизор грузового учёта. Сверял накладные, пломбы, вес. Последние две недели почти не спал. Вчера позвонил и спросил, помню ли я фамилию Лунёв. Потом сказал: «Если меня отстранят, никого не ищи. Если скажут, что упал, найди Андрея».

— Почему меня?

— Он не объяснил.

Андрей снова посмотрел на фотографию. В нижней части экрана, за краем окна документа, была видна полоска панели задач. Время — 02:13. Это тоже можно подделать. Имя файла обрезано: «Крупинотказиспр…».

— Крупин кто?

Марина наклонилась.

— Где?

Он показал.

— Не знаю.

Андрей знал. Не человека — фамилию в старом деле. Семь лет назад в Северной грузовой гавани погиб рабочий Родион Крупин. Упал с площадки между контейнерами. Проверку

вёл Сергей Баженов. Тогда Андрей уже ушёл из отдела, но Сергей заезжал к нему ночью, злой и небритый, просил совета, а потом так и не рассказал, что решил. Смерть признали несчастным случаем.

Старый файл открыли, чтобы написать новый. Это было нормально: одинаковые документы часто делали из прежних. Ненормальным было другое. Кто-то выбрал именно дело Крупина до того, как подняли Павла Седых из воды.

Андрей вернул лист Марине.

— У вас есть машина?

— Такси ждёт у входа.

— Отпустите. Поедем на моей.

— Вы поможете?

— Я посмотрю на место снаружи. Ничего не обещаю.

Он вышел к посту, передал старшинство Коле и записал время в журнал. Коля хотел спросить, но не спросил. Начальник охраны ещё утром предупредил: любое самовольное отсутствие после недавней проверки будет стоить Андрею места старшего смены. Андрей написал: «22:06. Выехал по личным обстоятельствам после передачи объекта». Не соврал и ничего не объяснил.

На парковке моросил мелкий дождь. Свет фонарей лежал на капоте старой «Лады» мутными кругами. Марина села рядом и положила папку на колени. Андрей включил обогрев, но воздух из решётки сначала пошёл холодный.

— Позвоните тому, кто прислал фотографию, — сказал он.

— Он не отвечает.

— Имя?

— Я обещала не говорить.

— Тогда не говорите. Спросите сообщением, где именно он увидел файл и может ли сохранить исходник. Не пересылать ещё раз, не открывать в редакторе. Просто сохранить.

Марина набрала сообщение.

От «Маяка» до порта было двенадцать минут без пробок. Город к ночи пустел быстро: закрывались мастерские, автобусы шли к конечной почти без пассажиров. За железнодорожным мостом запахло мокрым углём и рекой. Краны Северной гавани стояли над складами, как тонкие тёмные буквы.

— Отец говорил, откуда знает вас? — спросила Марина.

— Не говорил.

— А вы его вспомнили.

— Фамилию из файла вспомнил. К вашему отцу это пока не относится.

— Вы всегда так отвечаете?

— Уже нет. Раньше отвечал короче.

У главных ворот порта горели прожекторы. Перед шлагбаумом стояли две полицейские машины, пожарный фургон и серый микроавтобус спасателей. Андрей припарковался на общественной площадке у здания речного вокзала. Отсюда вдоль ограды шла набережная, и через сетку можно было увидеть дальнюю половину седьмого причала.

Марина первой вышла под дождь. Андрей догнал её у пешеходной калитки. Дежурный охранник, крупный мужчина в синем бушлате, узнал Марину и поморщился.

— Я же сказал: ждите дома.

— Это Андрей Лунёв. Он знал отца.

Охранник посмотрел на карточку «Маяка» на куртке Андрея.

— Здесь торгового центра нет.

— Вижу. Мы останемся за оградой.

— Вот и оставайтесь.

Андрей не спорил. Они прошли по набережной до места, где за сеткой открывался промежуток между складами. У причала работали люди в светоотражающих жилетах. Луч переносной лампы дрожал на чёрной воде. Спасатель лежал грудью на краю настила, другой держал его за страховочный пояс. В нескольких метрах покачивался красный катер.

— Где тело? — тихо спросила Марина.

Андрей показал не рукой, а взглядом. Между двумя сваями виднелась тёмная ткань. Вода поднимала и отпускала плечо. Лица отсюда было не разобрать.

Марина вцепилась пальцами в сетку.

— Не надо смотреть долго.

— Это он.

— Возможно.

— У него такая куртка.

Андрей хотел отвести её, но на причале появился Сергей Баженов. За семь лет он стал грузнее, волосы совсем поседели на висках, походка осталась прежней: чуть наклонял корпус вперёд, словно всё время шёл против ветра. Сергей сказал что-то спасателю, затем повернулся к ограде. Узнал Андрея сразу.

Он не удивился. Это было хуже удивления.

Сергей подошёл к калитке со стороны порта и жестом подозвал дежурного. Тот открыл замок ровно настолько, чтобы Сергей вышел на набережную.

— Марина Павловна, вам нельзя здесь находиться, — сказал он.

— Почему документ о смерти отца написали в два часа?

Сергей перевёл взгляд на Андрея.

— Какой документ?

— Тот, где уже сказано, что он упал с седьмого причала.

— У вас шок. Сейчас не время разбирать сообщения неизвестных людей.

— Значит, сообщение вам известно.

— Я этого не сказал.

Андрей смотрел не на лицо бывшего напарника, а на его руки. Сергей держал перчатки, сложив одну в другую. Большой палец правой руки тёр край манжеты. Раньше так было перед разговором с начальством, когда Сергей заранее знал, что придётся защищать слабую версию.

— Тело осмотрели? — спросил Андрей.

— Ты здесь никто.

— Это я помню. Осмотрели?

— Спасатели сейчас поднимут. Дальше работают те, кому положено.

— Тогда откуда в заготовке седьмой причал?

— Из сообщения дежурного. Андрей, не начинай. Черновик не решение.

Марина достала лист.

— Здесь написано, что следов насилия нет.

Сергей даже не посмотрел.

— Это не официальный документ.

— Но его писал официальный человек.

— Вы не знаете, кто его писал.

Со стороны причала крикнули. Спасатели потянули носилки к воде. Сергей оглянулся, и Андрей увидел за его плечом ещё одного мужчину — высокого, в коротком светлом плаще без капюшона. Тот стоял под навесом весовой и разговаривал по телефону, прикрывая микрофон ладонью. На мокром бетоне вокруг все двигались, а он оставался на месте. Начальник, решил Андрей. Или человек, которому не нужно спрашивать разрешения.

— Кто под навесом? — спросил он.

Сергей не повернулся.

— Начальник грузового участка Виктор Ракитин.

— Он сообщил о падении?

— Нет.

— Кто сообщил?

— Докер нашёл тело в четыре сорок.

— Тело или ботинок?

На мгновение Сергей замолчал. Марина быстро посмотрела на Андрея.

— Какая разница?

— В сообщении могло быть место, где увидели ботинок. Но в черновике указано место падения. Это не одно и то же.

— Уходи, — сказал Сергей. — И её уведи. По-человечески прошу.

— По-человечески ты уже писал один протокол.

Большой палец Сергея остановился на манжете.

— Не здесь.

— Значит, помнишь Крупина.

Сергей шагнул ближе. Между ними осталось меньше метра, и Андрей почувствовал запах мокрой шерсти и крепкого табака. Сергей бросил курить ещё до ухода Андрея из отдела.

— Ты не знаешь, что тогда было.

— Поэтому спрашиваю сейчас.

— А я отвечаю: не лезь. У тебя лицензия на частную охрану. Ты уже дважды проходил проверку из-за старого удостоверения в бумажнике. Третий раз никто разбираться не станет.

Марина услышала угрозу и подняла подбородок.

— Вы ему угрожаете?

— Я напоминаю взрослому человеку о его работе.

С причала снова позвали Сергея. Носилки уже подняли на бетон. Тёмную куртку накрыли не полностью: спасатель поправлял ремень у ног. Андрей увидел рукав и светлую неровную полосу поперёк ткани, сантиметров на двадцать выше манжеты.

Он подошёл к сетке.

— Стой, — сказал Сергей.

Андрей не пересёк ограду. Просто присел, чтобы луч переносной лампы не бил в глаза. Полоса на куртке шла вокруг предплечья. Ниже ткань была почти чёрной от воды, выше казалась светлее. На груди граница поднималась косо к плечу.

Вода оставляет отметку, когда мокрая вещь долго соприкасается с грязной поверхностью или когда тело лежит у берега на одном уровне. Но между сваями оно качалось вертикально, удерживаемое одеждой или препятствием. При нынешней высоте воды линия должна была быть ниже. Если же Павел попал сюда на большем приливе, его не могли увидеть только в четыре сорок: уровень падал уже несколько часов, тело показалось бы раньше.

Андрей посмотрел на бетонную лестницу у причала. На нижних ступенях блестела свежая вода. Выше шла тёмная полоса водорослей и речной грязи. Граница на куртке не совпадала ни с той, ни с другой.

— Когда был верхний уровень? — спросил он.

— Это река, а не море, — раздражённо ответил Сергей.

— Здесь подпор от шлюза. Вода ходит по расписанию. Ты знаешь.

Марина подошла рядом.

— Я работаю на водной станции. Максимум был в двадцать три сорок, потом сбросили. К двум ночи уровень ушёл на тридцать сантиметров.

Сергей посмотрел на неё впервые не как на родственницу, которую нужно удалить, а как на свидетеля.

— Вы уверены?

— Я видела журнал перед сменой. Сегодня был плановый сброс.

Андрей указал на рукав.

— Эта полоса выше нынешней воды примерно на двадцать сантиметров. Но одежда ниже неё мокрая, а выше почти сухая. Если он пролежал здесь с половины двенадцатого, документ должен объяснить, почему тело не ушло вниз вместе с уровнем и кто видел его после сброса. Если его бросили позже, откуда верхняя линия?

— Ты разглядел это через сетку и уже построил дело? — спросил Сергей.

— Нет. Я разглядел вопрос. Дело почему-то построили до вопроса.

Под навесом Ракитин закончил разговор и направился к ним. Шёл быстро, не оглядывая лужи. Лицо было широкое, чисто выбритое; светлый плащ сидел слишком хорошо для ночной портовой смены.

— Сергей Николаевич, кто эти люди?

— Дочь погибшего и знакомый семьи.

— Территория закрыта. Уберите их, пожалуйста. У нас и без того остановлена погрузка.

— Мы за территорией, — сказал Андрей.

Ракитин посмотрел на сетку, словно впервые заметил, что она отделяет его власть от городской набережной.

— Тогда не мешайте работе спасателей.

— Павел Седых проверял ваши весовые документы?

— Вы журналист?

— Охранник.

— Тогда охраняйте свой магазин.

Марина вынула телефон.

— Отец звонил вам вчера в десять вечера. Разговор длился четыре минуты.

Ракитин не посмотрел на экран.

— Павел был моим сотрудником. Он звонил мне часто.

— О чём говорили?

— Об учёте.

— О двух весах и одной пломбе?

На этот раз Ракитин посмотрел. Не на Марину — на папку у неё под рукой.

— Не понимаю, о чём вы.

Ответ прозвучал ровно, но правая пола его плаща дрогнула: он сунул руку в карман и тут же вынул. Андрей отметил движение, не придавая ему смысла. Слишком легко было принять обычную нервозность за признание.

Сергей встал между ними.

— Всё. Марина Павловна, утром с вами свяжутся официально. Андрей, уведи её.

На причале накрыли тело полностью. Один из спасателей поднял с бетона прозрачный пакет с вещами. Сквозь пластик Андрей увидел связку ключей, телефон в чёрном чехле и сложенный листок, размокший по краям. Спасатель передал пакет человеку в форме. Ракитин проследил за ним взглядом.

— У отца был блокнот, — сказала Марина. — Маленький, зелёный.

— В описи разберутся, — ответил Сергей.

— Он всегда носил его во внутреннем кармане.

— Сейчас ничего трогать нельзя.

— Я и не прошу трогать. Я прошу записать, что блокнот должен быть.

Сергей вздохнул, достал свой телефон и сделал заметку. Андрей видел экран: Сергей написал «зел. блокнот со слов дочери». Это был маленький правильный поступок, почти автоматический. От него стало тяжелее. Человек, способный аккуратно записать пропавшую вещь, всё равно защищал бумагу, созданную до осмотра.

Они вернулись к машине. Марина села, но дверь не закрыла. Смотрела на порт, пока спасатели грузили носилки в фургон.

Телефон в её руке коротко завибрировал.

— Ответил, — сказала она.

— Кто?

— Тот человек. Пишет: «Исходник сохранил. Файл взяли из папки Крупина. Не звоните. Ищите билет Р-1148. Два веса, одна пломба».

Андрей сел за руль и попросил показать сообщение. Не взял телефон, прочёл с её ладони. Буквы были обычными, без тайного смысла. Р-1148 могло быть номером весового билета, рейса, контейнера или внутренней формы.

— Сделайте снимок экрана так, чтобы было видно время, — сказал он. — Потом отправьте копию себе на почту. Исходное сообщение не удаляйте.

— Вы всё ещё только смотрите?

— Уже нет.

— Что вы будете делать?

Андрей завёл двигатель. На стекле дрожали отражения портовых прожекторов. За оградой Сергей стоял один у калитки и смотрел в их сторону. Ракитин исчез под навесом весовой.

— Сначала узнаем, что взвешивали по билету Р-1148. Потом — почему для смерти вашего отца понадобилось дело семилетней давности.

— А полиция?

— Полиции мы будем отдавать проверяемые вещи, а не догадки. И всё будем получать так, чтобы это не пришлось прятать.

Он сказал последнюю фразу для Марины, но услышал её сам. В бумажнике, за водительскими правами, лежало старое служебное удостоверение с просроченной фотографией. Андрей много раз собирался разрезать его и каждый раз оставлял. Сергей напомнил о нём не случайно.

Андрей вынул бумажник, достал корочку и положил в закрытый ящик между сиденьями.

Пока только туда.

Глава 2. Два веса — одна пломба

К восьми утра дождь перестал, но город ещё не успел понять это. Вода продолжала стекать с козырьков, автобусы тянули за собой серые хвосты, а люди шли под закрытыми зонтами, будто не доверяли небу.

Андрей оставил машину у водной станции. Старое удостоверение лежало в ящике между сиденьями. Он проверил, заперта ли крышка, и тут же рассердился на себя: спрятанная корочка не становилась от этого менее настоящей.

Марина ждала у проходной с прозрачной папкой под курткой. За ночь её лицо словно стало уже. Она переоделась в рабочие брюки и тёмно-синий свитер, волосы собрала на затылке. Только красные глаза выдавали, что домой она ездила не спать.

— Мне позвонили из полиции, — сказала она вместо приветствия. — В десять надо приехать на опознание. Вещи пока не отдают.

— Это нормально.

— Нормально — плохое слово.

— Другого у меня сейчас нет.

Она кивнула и вынула из папки три листа.

— Папа иногда просил распечатать то, что не открывалось на домашнем компьютере. Вот это он прислал позавчера. Я ночью нашла в рабочей почте.

На первом листе была фотография весового билета. Бумагу снимали на телефон под углом, часть строки закрывал блик. В верхнем правом углу читалось «Р-1148». Ниже стояли дата, номер контейнера и две цифры веса. Андрей не стал брать лист.

— Откуда письмо?

— С отцовской почты на мою. Я могу открыть его при вас.

— Не при мне. Сохраните письмо целиком и покажите Сергею. Лучше с телефона, не пересылая ещё раз. Что на остальных листах?

— Общедоступный реестр пропусков на грузовые площадки. У порта есть кабинет для клиентов. Папа дал мне гостевой доступ, когда мы оформляли доставку оборудования на станцию. Пароль не его, мой. Я проверила номер контейнера.

Она показала строку, выделенную жёлтым карандашом. Контейнер вошёл в Северную грузовую гавань три дня назад и числился на участке номер четыре. Выезд не отмечен.

— Вот это уже можно смотреть, — сказал Андрей. — Откройте кабинет сами. Если доступ действует, найдём имя перевозчика и заказчика. Ничего не скачиваем из закрытых разделов, никуда не подбираем пароль.

— Я поняла с первого раза.

— Хорошо. Тогда повторяю для себя.

В проходной Марина записала его как посетителя лаборатории. Молодой охранник сверил паспорт и позвонил начальнице смены. Андрей смотрел, как ручка скребёт по бумажному журналу, и впервые за утро почувствовал облегчение. Обычная запись, настоящие время и фамилия. Если потом спросят, зачем бывший опер ходил по следам погибшего, начинать можно будет отсюда, а не с объяснения старой корочки в машине.

В лаборатории пахло мокрой резиной, железом и слабой хлоркой. За стеклом стояли ряды бутылок с водой. Марина включила компьютер в комнате отдыха, вошла в клиентский кабинет и развернула экран к Андрею.

Запись о контейнере была короткой. Перевозчик — «Норд-Транс», грузополучатель — судоремонтная фирма «Арсенал-М», масса по заявке — двадцать три тысячи восемьсот сорок килограммов. Поле фактического веса оставалось пустым.

— На снимке другая цифра, — сказала Марина.

На билете Р-1148 стояло двадцать три тысячи двести двадцать.

Разница составляла ровно шестьсот двадцать килограммов.

— Это может быть тара? — спросила она.

— Может быть что угодно, пока мы не знаем, какой вес указан. Машина с контейнером, контейнер без машины, груз нетто. Не подгоняйте ответ под разницу.

— Но отец подгонял?

— Ваш отец оставил номер. Значит, считал цифры важными. Это не то же самое, что заранее знать объяснение.

В кабинете имелась кнопка «Сформировать гостевой пропуск». Марина нажала её и показала условия. Клиент мог посетить административный корпус и смотровую площадку весовой в сопровождении сотрудника порта. Запись требовалась через диспетчера.

— У нас на станцию сегодня должна прийти партия мембран, — сказала она. — Через этот порт. Я действительно могу проверить документы.

— Должна прийти или уже пришла?

— Пришла ночью. Приёмка в одиннадцать.

— Тогда идём по вашей работе. Если увидим нужного человека, зададим открытый вопрос. Если нас не пустят — уходим.

Марина посмотрела на него почти сердито.

— Вы всё время говорите, чего мы не станем делать.

— Потому что человек, которого мы ищем, уже пишет документы раньше событий. Ему будет удобно, если мы дадим повод объявить всё остальное добытым незаконно.

Она выключила компьютер.

— А если законно мы ничего не успеем?

— Тогда хотя бы не поможем ему.

На опознание Марина уехала одна. Андрей предложил довезти, но она отказалась. Сказала, что после хочет побыть с отцом без свидетелей, даже если между ними будет стекло. Они договорились встретиться у клиентской проходной порта в половине двенадцатого.

Оставшиеся три часа Андрей провёл в «Маяке». Его смена начиналась вечером, но начальник охраны терпеть не мог внезапных перестановок, и Андрей заранее предупредил, что может опоздать. Сказал правду не целиком: умер знакомый, нужно помочь дочери с вещами.

В комнате охраны на шести экранах открывались коридоры ещё пустого торгового центра. Уборщица катила жёлтое ведро мимо закрытого магазина обуви. Грузчик принимал коробки у служебного входа. Всё происходило там, где должно, и фиксировалось тогда, когда происходило. Андрей поймал себя на том, что сравнивает каждый кадр с документом в Мариниой папке.

Он позвонил Вере.

— Ты спала? — спросила дочь.

— Дежурил не я.

— Это не ответ.

— Часа два.

— Пап, у меня рейсы до вечера. Если что-то случилось, скажи сейчас, а не когда мне позвонит чужой человек.

Андрей посмотрел на экран, где уборщица выжимала тряпку.

— Умер Павел Седых. Помнишь, он помогал нам с документами по протечке на складе?

— Высокий, с седой бородой?

— Да. Его дочь попросила посмотреть бумаги. Там странности.

Вера несколько секунд молчала.

— Ты опять расследуешь?

— Я смотрю документы.

— Когда ты так говоришь, потом кто-нибудь приходит проверять твою лицензию.

— Пока никто не придёт.

— «Пока» я услышала.

Он хотел пообещать, что не полезет дальше, но обещание уже было бы ложью.

— Я буду говорить тебе, если риск станет не бумажным.

— Риск никогда не бывает бумажным. На бумаге потом просто пишут, сколько он стоил.

Она отключилась первой. Андрей ещё минуту держал телефон у уха. Вера унаследовала его манеру заканчивать разговор тогда, когда собеседник собирался спрятаться за удобной фразой.

К половине двенадцатого над гаванью поднялся ветер. Флаги на административном здании вытянулись в одну сторону. У клиентской проходной стояли три водителя, ругавшиеся из-за электронной очереди. Марина ждала у турникета с сотрудницей водной станции — полной женщиной в оранжевом жилете.

— Это наша инженер по снабжению, Тамара Петровна, — представила её Марина. — А это Андрей, он помогал отцу с охраной объектов.

Тамара Петровна оценила Андрея быстрым взглядом.

— Поможете — хорошо. Мембраны дорогие, коробки любят ронять, а виноватых потом нет.

Их встретил кладовщик порта. Гостевые пропуска оформили по паспортам, телефоны попросили не доставать на территории грузовых работ. Андрей расписался и убрал аппарат во внутренний карман. За турникетом шла жёлтая линия. Кладовщик велел не выходить за неё.

Они прошли между административным корпусом и весовой. Здание весов оказалось низким, с широким окном на две полосы движения. Перед ним грузовик медленно въезжал колёсами на металлическую платформу. Красные цифры над окном прыгали и замерли. Из динамика велели заглушить двигатель.

За стеклом сидел мужчина в клетчатой рубашке и безрукавке. Худой, с короткой стрижкой, он держал бумажный стакан обеими руками. Марина тихо сказала:

— Лев Гущин. Его фамилия в письмах отца.

Андрей не ответил. На груди у весовщика висела карточка с именем. Узнать его можно было без чужой почты.

Кладовщик повёл Тамару Петровну к навесу, где стояли коробки станции. Марина предъявила накладную. Пока они сверяли места, Андрей остался у жёлтой линии. Гущин увидел Марину, поставил стакан и сразу отвернулся к принтеру.

Когда проверка закончилась, она подошла к окну выдачи билетов.

— Лев Александрович, можно спросить?

— По вашему грузу всё сошлось, — не глядя ответил Гущин. — Двадцать одно место.

— Я дочь Павла Седых.

Пальцы весовщика остановились над клавиатурой.

— Соболезную.

— Отец присылал мне снимок билета Р-1148. Я передам его следователю. Но хочу понять подпись: «два веса — одна пломба».

Гущин поднял голову. Глаза у него были красные, но не от бессонной ночи — на белках проступала мелкая сетка сосудов, как у человека, который много сидит перед сухим экраном.

— Это не подпись, а рабочая ругань. Весы иногда дают разбег.

— В шестьсот двадцать килограммов?

— На сцепке бывает. Водитель не встал до конца, пассажир вышел, топливо ушло. Мало ли.

— Пассажир весил шестьсот двадцать килограммов? — спросила Марина.

Гущин посмотрел на Андрея.

— А вы кто?

— Посетитель водной станции. Вопрос задаёт Марина Павловна.

— Тогда стойте дальше от окна.

Андрей сделал полшага назад. Гущин ожидал спора и на секунду растерялся.

— Какой контейнер был по билету? — спросила Марина.

— Я не имею права разглашать данные.

— Я не прошу назвать контейнер. Он есть на снимке. Скажите, почему два веса относятся к одной пломбе.

— Не знаю, что Павел написал. Может, сравнил вход и выход. Может, машина была другая.

— Вы оформляли Р-1148?

— Наша смена.

— Какая?

— Вторая.

Из боковой двери весовой вышла молодая женщина в такой же безрукавке и поставила у стены коробку с лентами для принтера.

— Лев, подпиши приёмку за первую, — сказала она. — Я в диспетчерскую.

Гущин резко повернулся.

— Потом.

Женщина пожала плечами и ушла. На коробке чёрным маркером было написано: «Смена 1, 06:00–14:00».

Марина дождалась, когда дверь закроется.

— Билет выдан в семь сорок две. Это первая смена?

— График менялся.

— Сегодня тоже?

— Девушка, я вам уже ответил. Был сбой весов. Павел из любой погрешности делал преступление. Теперь идите к следователю и там показывайте свои фотографии.

Он потянулся закрыть маленькое окно, но Андрей сказал:

— При сбое билет печатают с тем же номером или с новым?

Гущин замер.

— Я не с вами разговариваю.

— Тогда не отвечайте.

Окно захлопнулось. За стеклом Гущин взял телефон и набрал номер, не отводя от них глаз.

Тамара Петровна уже звала Марину к коробкам. Андрей отошёл. Он ничего не записывал и не фотографировал, но повторил про себя: первая смена, семь сорок две, Гущин сказал «вторая», приёмка лент. Ошибка могла быть обычной. Человек после ночной смерти коллеги путался. Только Гущин сначала объяснил разницу положением машины, затем пассажиром, затем другой машиной, а закончил сбоем весов. Четыре ответа на один вопрос означали не четыре причины, а отсутствие ответа, который он готов был произнести.

Коробки с мембранами оказались целы. Тамара Петровна подписала акт и попросила кладовщика показать пломбу на контейнере, из которого выгружали их груз. Тот объяснил, что пломбу уже сняли и приложили к документам. Разговор был рабочий, скучный и потому полезный. Андрей узнал, что номер пломбы вносят в журнал при въезде, потом сверяют перед вскрытием. Снятую пломбу обычно хранят до закрытия приёмки.

На обратном пути к проходной они миновали четвёртый участок. За сетчатым ограждением стояло около двадцати контейнеров. На боках белели номера, некоторые закрывала грязь. Кладовщик шёл впереди и рассказывал Тамаре Петровне о сроках возврата тары.

Марина едва заметно коснулась локтя Андрея.

В третьем ряду стоял синий контейнер. Его номер совпадал со снимком билета Р-1148. Двери были обращены к проезду. На правой штанге висела серебристая пломба с ярко-синей пластиковой вставкой.

— Не останавливайтесь, — тихо сказал Андрей.

Они продолжили идти. Он успел увидеть цифры: 771904. Такие же стояли на распечатанном снимке, только там пломба выглядела тёмной и узкой, без синей вставки. Фотография была нечёткой; цвет мог изменить экран, угол — исказить форму.

У дальнего поворота навстречу выехал погрузчик. Кладовщик прижал гостей к ограждению и поднял руку. Они остановились в пяти метрах от контейнера.

Андрей смотрел не на пломбу, а на место обжима. Металл был чистым, без дорожной пыли. На штанге вокруг него лежал серый налёт, а под проволокой виднелась светлая полоска. Пломбу ставили недавно — насколько недавно, без осмотра сказать было нельзя.

Из-за контейнера появился Ракитин. На нём был тот же светлый плащ, теперь застёгнутый до подбородка. Рядом шёл мужчина с планшетом.

— Марина Павловна, — сказал Ракитин. — Я думал, вы заняты с полицией.

— Я принимаю груз для станции.

— В день смерти отца?

— Вода в городе не ждёт, пока я закончу горевать.

Ракитин перевёл взгляд на Андрея.

— А магазин тоже принимает мембраны?

— Я помогаю донести документы, — ответил Андрей.

— Тогда несите и не задерживайтесь на участке.

Погрузчик проехал. Кладовщик поспешил дальше. Андрей двинулся за ним, но Марина спросила:

— Почему контейнер отца всё ещё здесь?

Ракитин чуть нахмурился.

— У вашего отца не было контейнера.

— Тот, который он проверял.

— Ревизор проверяет сотни единиц. Я не обсуждаю грузы клиентов на дороге.

— Пломба 771904 была зарегистрирована при въезде?

Мужчина с планшетом посмотрел на Ракитина. Этого короткого взгляда Андрею хватило: номер они узнали.

— Откуда у вас служебные сведения? — спросил Ракитин.

— С фотографии, которую отец законно прислал мне до смерти.

— Передайте её полиции. Самостоятельное расследование только повредит.

— Вчера вы не понимали, о какой пломбе идёт речь.

Ракитин улыбнулся одними губами.

— Вчера вы кричали у ограды про два веса и одну пломбу. Номер я слышу впервые.

Это было аккуратно. Он не отрицал существования номера и не признавал связи с контейнером.

— Пройдёмте, — вмешался кладовщик. — У меня ещё машина на приёмке.

За проходной Тамара Петровна забрала один экземпляр акта и ушла звонить водителю. Марина с Андреем остались под козырьком. Здесь телефоны снова разрешались. Марина открыла снимок билета и увеличила нижний угол.

На фотографии пломба была снята отдельно, на ладони Павла. Тёмный металл, приплюснутая головка, тонкая проволока. Номер читался ясно: 771904. Через головку шла косая царапина.

— Может быть та же, только с другой стороны? — спросила Марина.

— На контейнере пломба серебристая, с синей вставкой. Эта похожа на латунную. Но по фотографии я не стану утверждать материал.

— Номер один.

— Да.

— А пломбы две.

Андрей увеличил изображение ещё раз. В верхней части кадра лежал край второго документа. Виднелась строка веса — двадцать три тысячи восемьсот сорок. На самом билете Р-1148 стояло двадцать три тысячи двести двадцать.

Два веса. Одна пломба.

Точнее, один номер пломбы.

— Отправляем Сергею сейчас, — сказал Андрей. — Исходное письмо, фотографию и данные вашего гостевого доступа. Пишем, что контейнер с тем же номером стоит на четвёртом участке, на нём пломба другой формы. Не пишем, что её подменили. Это должен подтвердить осмотр.

— Сергей всё отдаст Ракитину.

— Возможно. Но если не отправить, потом он скажет, что не знал.

Марина набрала сообщение и показала Андрею перед отправкой. Он убрал фразу «новая пломба» и заменил на «визуально отличается от пломбы на фотографии». Она не спорила.

Ответ пришёл через минуту: «Получил. Ничего не трогайте. Где вы?»

Марина написала: «У клиентской проходной».

Почти сразу позвонил анонимный номер, с которого ночью прислали обозначение билета. Она включила громкую связь.

Сначала слышалось только дыхание и далёкий гул машины.

— Вы были у весовой, — произнёс мужской голос.

— Кто вы? — спросила Марина.

— Неважно. Гущин уже сказал начальнику.

— Что вы знаете о пломбе?

— Павел сфотографировал старую до того, как её забрали. Утром в журнале появился тот же номер. Только пломба уже другая.

— Кто менял?

— Не по телефону.

— Тогда встретимся.

— Нет. И не ищите меня. Смотрите смены. Билет напечатан первой, подпись поставили второй.

Связь оборвалась.

Марина сохранила время звонка. Андрей попросил её не перезванивать.

— Он подтвердил, что Гущин соврал, — сказала она.

— Не подтвердил. Неизвестный человек сказал то, что подходит к нашей догадке. Полезно только одно: он знает о нашем визите почти сразу. Значит, новость идёт от весовой к начальству быстро.

— И что теперь?

Из ворот выехал пустой контейнеровоз. За ним показалась полицейская машина. Сергей сидел рядом с водителем. Увидев их под козырьком, он указал патрульному на парковочный карман.

— Теперь Сергей получит фотографию не как старый напарник, — сказал Андрей. — А как сотрудник, которому официально сообщили о двух разных пломбах с одним номером.

— Вы ему верите?

Андрей смотрел, как машина останавливается. Сергей вышел, застегнул куртку и направился к ним. Лицо у него было усталым и злым.

— Нет, — ответил Андрей. — Поэтому всё отправлено письменно.

Глава 3. Напарник у воды

Сергей не поздоровался. Остановился под козырьком так, чтобы дождевые капли с края падали между ним и Андреем.

— Марина Павловна, вас ждут в управлении, — сказал он. — Нужно оформить передачу письма и снимков.

— Я уже отправила их вам.

— Отправить мало. Нужны пояснения: когда получили, с какого адреса, кто имел доступ.

— Я поеду.

— Тогда садитесь в машину.

Марина не двинулась.

— Сначала скажите: контейнер осмотрят?

Сергей посмотрел на ворота порта.

— Я передал сведения следователю.

— Это не ответ.

— Другого сейчас не будет.

Он повторил слова Андрея, сказанные утром у станции, хотя слышать их не мог. Марина сжала папку. Андрей видел, как ей хочется спорить, и понимал: Сергей рассчитывает именно на это. Спор позволил бы заменить вопрос о пломбе разговором о поведении родственницы.

— Езжайте, — сказал Андрей. — Оформите всё по времени. Отдельно укажите, что контейнер видели в половине первого и что пломба внешне не похожа на снимок.

Сергей повернулся к нему.

— А тебя никто не приглашал распоряжаться.

— Я не распоряжаюсь.

— Ты водишь свидетеля по порту, задаёшь вопросы моим людям и мешаешь проверке.

— Гущин уже стал твоим человеком?

— Не цепляйся к словам.

Марина достала телефон.

— Я поеду сама. Адрес пришлите сообщением.

— Патруль доставит быстрее.

— Я не задержана.

Сергей помолчал, потом назвал адрес и кабинет. Марина записала. Перед уходом она показала Андрею экран: включённая передача местоположения Вере, номер кабинета, время. Он кивнул. Сергей заметил этот обмен и усмехнулся.

— Совсем в кино заигрались.

Марина посмотрела на него без злости.

— В кино отца убили бы после титров. А у нас документ о его смерти появился до того, как его достали из воды.

Она ушла к остановке. Сергей дождался, пока за ней закроется стеклянная дверь павильона, и взял Андрея за локоть.

— Отойдём.

— Руку убери.

Сергей разжал пальцы. Они пересекли парковку и спустились к набережной. Здесь ограда порта уходила вдоль воды, но камеры на столбах смотрели внутрь территории. Ветер гнал по реке короткую рябь. На нижней ступени бетонной лестницы лежал принесённый водой пластиковый ящик.

— Ты зачем её накручиваешь? — спросил Сергей.

— Она сама нашла письмо.

— Она дочь погибшего. Сегодня опознание прошла. Любое несовпадение для неё сейчас — убийство и заговор.

— А для тебя любое несовпадение — черновик?

Сергей достал сигареты, покрутил пачку и убрал обратно.

— Проект постановления не имеет силы. Следователь мог набросать текст по первому сообщению, чтобы потом не тратить время.

— В два тринадцать, за два с половиной часа до обнаружения тела?

— Время файла ещё проверяют.

— Имя Крупина тоже часы вписали?

Сергей посмотрел на воду.

— Старый шаблон. Открыли похожее дело, сохранили под новым именем. В отделе так половина бумаг делается.

— Похожее чем?

— Падение в воду на территории порта.

— Родиона нашли не в воде.

Сергей резко повернул голову.

Семь лет назад тело Крупина лежало у пожарного стока, на бетонной площадке за складом. Андрей помнил это не из дела — он сам приехал первым вместе с Сергеем. Дождь шёл стеной, вода растекалась вокруг тела, и молодому врачу пришлось кричать, чтобы его услышали. В окончательных бумагах место значилось как «прибрежная полоса грузового участка». Тогда Андрей не придал замене значения. Формулировка казалась обычной попыткой сделать грязное место приличным для отчёта.

— Ты сказал «похожее дело», — продолжил он. — Но Крупин не падал в воду.

— Я сказал про территорию порта.

— Нет. Ты сказал именно про падение.

— Андрей, хватит ловить меня на каждом слове.

— Я не ловлю. Я вспоминаю.

Ветер распахнул полу Сергеевой куртки. На поясе блеснула кобура. Андрей вдруг увидел не старого напарника, а действующего сотрудника, который выбрал место без посторонних и говорит с человеком без полномочий. Это не делало Сергея виновным. Но равного разговора больше не было.

— Что ты вспоминаешь? — спросил Сергей.

— Как ты переписывал первичный осмотр Крупина. Сначала было: «обнаружен у пожарного стока». Потом стало: «обнаружен на прибрежной полосе». И ещё фраза: «видимых следов перемещения не установлено».

— Она стандартная.

— Вчера в раннем документе о Павле написано то же самое.

Сергей снова потянулся за сигаретами.

— Ты видел фотографию одного листа.

— Достаточно, чтобы узнать твою фразу.

— Не мою. Служебную.

— Тогда покажи десяток других дел с той же связкой слов.

— Я тебе ничего показывать не обязан.

— Конечно. Но ты не сказал, что я ошибся.

Сергей всё-таки закурил. Первую затяжку сделал слишком глубоко и закашлялся.

— После твоего ухода многое изменилось.

— Ты бросил курить.

— Не об этом речь.

— А я об этом. Ты сейчас куришь не потому, что всё штатно.

— Я курю, потому что человек умер, его дочь таскает тебя по порту, а ты снова изображаешь опера. В прошлый раз это закончилось твоим увольнением.

— Я уволился сам.

— После того как тебе предложили выбор.

— И выбрал.

— Теперь у тебя лицензия. Ипотека Веры. Работа, которую ты наконец удержал дольше трёх лет. Тебе мало?

Имя дочери прозвучало не как угроза. Сергей бывал у них дома, помогал перевозить шкаф, сидел рядом с Верой в больничном коридоре, когда Андрею зашивали руку. Именно поэтому напоминание било точнее прямого шантажа.

— Не прикрывайся Верой, — сказал Андрей.

— Я не прикрываюсь. Я единственный здесь помню, что у тебя есть жизнь за пределами чужого дела.

— А у Павла была?

— Была. Поэтому дай нам работать.

— С опережением?

Сергей бросил сигарету в мокрую урну.

— Документ — черновик. Время его создания ничего не доказывает. Пломбу осмотрят. Билет проверят. Гущина опросят без твоих подсказок. Уйди из порта и не звони сотрудникам.

— Я никому не звонил.

— Неважно.

— Важно. Ты снова заранее пишешь удобную версию. Я пришёл как зарегистрированный посетитель водной станции. Вопросы задавала Марина. Гущин сам назвал вторую смену, хотя билет выдан в первую. Пломбу мы увидели с разрешённого маршрута. Всё отправили тебе. Где здесь помеха?

— В том, что после вас люди начинают согласовывать показания.

— С кем Гущин говорил сразу после нашего ухода?

Сергей промолчал.

— С Ракитиным? — спросил Андрей.

— Это выясняется.

— Ты уже знаешь.

— Я знаю больше, чем имею право тебе сказать.

— Тогда скажи меньше, но правду.

Сергей посмотрел на него устало.

— Правда в том, что Павел Седых нажил себе врагов не только на четвёртом участке. Он писал докладные на водителей, кладовщиков, таможенных посредников. Половина порта хотела, чтобы он исчез. Если ты вцепишься в первую красивую версию, настоящий след потеряется.

— Первая красивая версия уже лежала в файле до тела.

— Потому что дежурный взял шаблон.

— Из дела Крупина.

— Да.

Признание прозвучало негромко. Сергей тут же добавил:

— Папка была в общей подборке по несчастным случаям. Это ничего не значит.

— Кто открыл файл?

— Устанавливают.

— Кто сохранил его в два тринадцать?

— Андрей.

— Кто вписал имя Павла до звонка об обнаружении?

— Хватит.

Сергей сделал шаг вперёд. Андрей не отступил. Они стояли почти так же близко, как ночью у сетки, только теперь между ними не было ни Марины, ни спасателей.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл, — сказал Андрей. — Хорошо. Назови одну причину, которая не касается моей лицензии.

— Я не хочу потом вытаскивать тебя.

— Из чего?

— Из того, куда ты полезешь, когда решишь, что правила мешают справедливости.

Слова были слишком точными. Андрей вспомнил корочку в машине.

— Ты боишься не того, что я найду, — сказал он. — Ты боишься того, что я сделаю.

— Я тебя знаю.

— Знал.

Сергей отвернулся. По реке медленно шёл буксир, толкая перед собой пустую баржу. Волна ударила в лестницу и приподняла пластиковый ящик.

— Крупин нарушил инструкцию, — сказал Сергей. — Полез к застрявшей тележке один. Если бы в первичном документе написали всё как было, страховая годами спорила бы с вдовой. У неё двое детей и ни рубля накоплений.

Андрей не сразу понял, что услышал. Это ещё не было признанием подлога. Только объяснение, появившееся раньше обвинения.

— Я не спрашивал про страховую.

Сергей сжал челюсть.

— Потому что ты всегда спрашиваешь про бумагу, а потом удивляешься, что за ней люди.

— Что именно ты убрал из первичного осмотра?

— Ничего я тебе не говорил.

— Уже говорил.

Сергей вытащил телефон. На экране высветился входящий вызов. Он посмотрел номер и отошёл на несколько шагов.

— Да. Где?.. Не выпускать. Я еду.

Он убрал аппарат.

— Что случилось?

— Не твоё дело.

— Контейнер?

— Домой, Андрей.

Сергей быстро поднялся к парковке. Полицейская машина развернулась и ушла к служебным воротам порта, не включая сирену.

Андрей остался у воды. Он мог вернуться к машине, дождаться, когда ворота откроются, и посмотреть, что происходит. Мог позвонить Марине. Мог набрать знакомого диспетчера и спросить про вызов. Все эти действия были бы привычными, почти безобидными. Из таких «почти» когда-то сложилось его увольнение.

Он пошёл в другую сторону — к городской библиотеке.

Архив местной газеты находился на втором этаже. Доступ был открытым, старые выпуски оцифровали не полностью, поэтому библиотекарь принесла подшивку за нужный месяц. Андрей нашёл заметку о гибели Родиона Крупина. Шесть строк: несчастный случай при обслуживании грузовой техники, тело обнаружено на прибрежной полосе, следов перемещения не установлено, проводится проверка.

Та же связка.

Он выписал дату и номер выпуска, затем попросил подшивку за следующую неделю. Во второй заметке говорилось, что смерть признана несчастным случаем, семья получит страховую выплату. Рядом стояла фотография: Сергей поддерживал под локоть Нину Крупину у

ворот кладбища. За его плечом виднелся Ракитин — моложе, с усами, в рабочей куртке начальника смены.

Подпись называла его представителем порта, оказавшим семье помощь в оформлении документов.

Андрей не фотографировал страницы тайком. Заплатил за официальные копии, получил чек и конверт с печатью библиотеки. На выходе сел на скамью и позвонил Марине.

— Вы где? — спросила она шёпотом.

— В библиотеке. А вы?

— В коридоре управления. У меня приняли письмо и снимок. Сергей куда-то уехал, следователь вызвал другого сотрудника. Контейнер пока не выпускают: в системе появилась временная отметка проверки.

— Хорошо. Ничего больше не предпринимайте. После оформления езжайте домой.

— Вы что-то нашли?

— Старую газетную заметку. В ней дословно повторена фраза из раннего документа о вашем отце. И фотографию Сергея, Нины Крупиной и Ракитина.

— Значит, они были знакомы.

— В порту все были знакомы. Важно другое: новый документ собран не просто из случайного шаблона. В нём оставили выводы старого дела, хотя обстоятельства ещё нельзя было знать.

— Сергей его написал?

Андрей посмотрел на конверт.

— Я думаю, семь лет назад Сергей изменил первичный текст, чтобы семье быстрее выплатили деньги. Сегодня кто-то использовал его готовую версию как безопасный путь для новой смерти. Но думать — не значит доказать.

— Если он тогда помогал семье, почему сейчас защищает Ракитина?

— Потому что одна услуга, которую прячут, перестаёт быть услугой. Она становится долгом тому, кто о ней знает.

В коридоре рядом с Мариной хлопнула дверь. Она понизила голос:

— Мне сказали ждать.

— Ждите. Отдайте только то, что получили и видели сами. Про мой вывод не говорите как про факт.

— А вы?

— Я поеду на работу.

— Просто поедете?

— Сегодня — да.

Он завершил звонок и направился к машине. На полпути пришло сообщение от Сергея: «Контейнер задержан до осмотра. К Марине больше не приближайся».

Андрей перечитал дважды. Первая фраза была полезной. Вторая — не служебной. Сергей не мог запретить взрослой женщине общаться с человеком, которого она сама позвала. Значит, писал не как сотрудник.

Андрей убрал телефон, не отвечая.

У машины он открыл ящик между сиденьями. Старое удостоверение лежало поверх запасных предохранителей. Он взял его, повернул к свету и увидел себя на фотографии двенадцатилетней давности — тяжёлый взгляд, короткая стрижка, уверенность человека, который ещё считал, что полномочия и правота всегда стоят рядом.

На соседнем сиденье лежал конверт с газетными копиями. Они были медленнее удостоверения, слабее и скучнее. Зато на каждой стояли дата, источник и чек.

Андрей закрыл ящик.

Пока он выбрал конверт.

Глава 4. Сухая куртка

Марина позвонила Андрею в половине девятого утра, когда он принимал у ночной смены ключи от служебных дверей «Маяка».

— Мне разрешили забрать папины вещи, которые не признали вещественными доказательствами, — сказала она. — Свитер, брюки, запасную куртку из шкафчика. А ту, в которой его нашли, покажут перед передачей эксперту. Следователь попросил меня подтвердить, что она отцовская. Вы можете приехать?

Андрей поставил подпись в журнале и посмотрел на начальника смены. Тот стоял рядом, сверяя пломбы на связках, и слышал разговор.

— Я на работе до девяти вечера.

— Поняла. Извините.

— Не кладите трубку.

Он прикрыл микрофон ладонью и сказал начальнику:

— Вадим Петрович, мне нужен час за свой счёт. В обед или когда подмена придёт.

— У тебя два человека на больничном.

— Знаю.

— И потому ты опять просишь уйти.

— Прошу один раз. Запишете как отсутствие, я подпишу.

Вадим Петрович снял очки и протёр их краем галстука. Он не спрашивал, куда Андрей собирается. Вчера по местным новостям уже показали гавань и сказали о гибели ревизора. В кадр попала дальняя фигура Андрея у проходной.

— К двенадцати придёт Костя, — сказал начальник. — С двенадцати десяти до часу. Потом чтобы был здесь. И никаких удостоверений охраны за пределами объекта.

— Разумеется.

Последнее слово прозвучало слишком поспешно. Вадим Петрович задержал на нём взгляд, но ничего не добавил.

Марина назначила встречу в служебном корпусе управления, в комнате выдачи имущества. Следователь, по её словам, соглашался на присутствие Андрея как человека, который видел куртку у воды. Это не делало его участником проверки и не давало права задавать распоряжения. Андрей попросил прислать имя следователя и номер кабинета, затем убрал телефон.

До полудня он обходил этажи, проверял запасные выходы и дважды возвращал продавцам найденные покупателями кошельки. Обычная работа не мешала думать, а удерживала мысль в границах. Куртка Павла пробыла в воде — это подтвердят следы. Вопрос был не в том, мокрая ли она вообще, а в том, как именно намокла. Вчера у причала он видел тёмную полосу выше по ткани, словно человека опустили в воду и быстро подняли. Но память легко дорисовывала то, чего от неё ждали. Нужны были предметы, время и чужая фиксация.

В двенадцать десять Костя принял рацию. Андрей переоделся в комнате охраны, оставил форменную куртку и удостоверение в металлическом шкафчике. Старую милицейскую корочку он ещё утром переложил из машины в домашний ящик. Так было спокойнее: между соблазном и рукой теперь лежало несколько километров.

В управление он пришёл в двенадцать тридцать пять. Марина сидела на скамье у закрытой двери. Рядом стояли два прозрачных пакета с одеждой, каждый с бумажной биркой. На коленях она держала серую куртку с потёртым воротником.

— Это из шкафчика, — сказала она. — Не та.

Андрей сел рядом, не касаясь вещей.

— Что следователь сказал?

— Что осмотр ещё не закончен. Куртку из воды повезут на экспертизу, но перед этим я должна её опознать. Он разрешил задать вопросы о том, как отец носил вещи. Баженов тоже будет.

— Тогда отвечайте только о том, что знаете. Если не уверены — так и говорите.

— Вы всё время это повторяете.

— Потому что правильный ответ скучнее догадки и полезнее её.

Марина провела пальцем по рукаву серой куртки.

— Папа терпеть не мог мокрые карманы. Телефон носил во внутреннем нагрудном, бумаги — в пластиковом чехле. Если шёл дождь, застёгивал всё до подбородка.

— Это вы часто видели?

— С детства. Он даже пакеты из магазина распределял так, чтобы свободной рукой прикрывать молнию.

— Следователю так и скажете. Без «всегда», если были исключения.

Дверь открылась. Молодой мужчина в тёмном костюме представился Ильёй Романовичем Тарасовым. Вчера Андрей видел его у воды со спины. Лицо у следователя было серым от недосыпа, но говорил он ясно и без раздражения.

— Лунёв Андрей Викторович?

— Да.

— Вы приглашены для пояснения того, что наблюдали на месте. Статуса специалиста у вас нет. К предметам не прикасаться, упаковку не вскрывать. Все замечания через меня. Согласны?

— Согласен.

— Марина Павловна, вещи из шкафчика вы получили по акту?

Она показала бумагу.

— Тогда проходите.

Комната оказалась маленькой, с двумя столами, штативом для камеры и белой измерительной линейкой на стене. На дальнем столе лежал запечатанный прозрачный мешок. Внутри виднелась тёмно-зелёная рабочая куртка Павла. Рядом стояли коробки с перчатками и чистыми пакетами.

Сергей находился у окна. Он кивнул Марине и будто не заметил Андрея.

Тарасов включил камеру, назвал дату, время и присутствующих. Затем показал пломбу на мешке крупным планом. Женщина в белом халате, эксперт-криминалист Ольга Сергеевна, сверила номер с актом и только после этого разрезала верхний край упаковки.

Запах речной воды и сырой ткани оказался слабее, чем ожидал Андрей. Куртку уже подсушивали при комнатной температуре, не выворачивая и не очищая. На ней остались песчинки, тонкие бурые водоросли и светлая полоса соли или грязи поперёк спины.

Марина побледнела, но приблизилась по просьбе следователя.

— Узнаёте вещь?

— Да. Это папина рабочая куртка.

— По каким признакам?

— На правом локте заплата. Я пришивала весной. Нитка чуть светлее. И молния на левом кармане без язычка, там кольцо от ключей.

Эксперт сняла оба признака крупно. На левом кармане действительно висело маленькое стальное колечко.

— Когда вы видели эту куртку на отце в последний раз? — спросил Тарасов.

— В понедельник утром. Он заезжал ко мне перед сменой.

— В каком состоянии она была?

— Обычная. Сухая. На рукавах была пыль, но синего пятна я не помню.

— Про пятно вас кто-то спрашивал до сегодняшнего дня?

Марина посмотрела на Андрея.

— Андрей Викторович сказал, что заметил на рукаве цветной след у воды. Мы не обсуждали, откуда он.

Сергей оттолкнулся от подоконника.

— Обсуждали куртку до официального осмотра?

— Я сказал, что видел цветную полосу, — ответил Андрей. — К вещи она не прикасалась.

— Я спрашивал Марину Павловну.

— Он сказал именно это, — повторила она. — Больше ничего.

Тарасов поднял ладонь.

— Дальше вопросы задаю я. Ольга Сергеевна, покажите наружную поверхность рукавов.

Эксперт расправила куртку на белой подложке. На правой манжете, ближе к внутренней стороне руки, тянулся синий след шириной в палец. Он был не похож на чернила: плотная краска легла сверху на ткань, а по краям растрескалась. Выше виднелись две короткие параллельные полосы.

— Раньше замечали? — спросил следователь Марину.

— Нет. Но я не осматривала рукава каждый день.

— Правильно.

Эксперт измерила след, сняла его под разным светом и взяла отдельным тампоном крошечный образец с уже отслоившегося края. Андрей молчал. Синяя краска могла быть с ограды, контейнера, верстака или сотни других предметов. Пока она доказывала только контакт.

— На месте вы видели этот след? — обратился к нему Тарасов.

— Видел синюю полосу на правой манжете, когда спасатель повернул тело. Расстояние было около трёх метров. Две верхние полосы не различил.

— В протоколе вашего опроса указано «тёмный след на рукаве», без цвета.

— При первом опросе было темно. Цвет я увидел позже, под переносной лампой. Вчера сказал об этом Баженову.

— Подтверждаю, — нехотя произнёс Сергей.

Тарасов сделал пометку.

— Что ещё привлекло ваше внимание?

— Граница намокания. Она была ровной и выше той воды, где лежало тело к моменту подъёма.

— Это ваша оценка?

— Да. Измерений я не проводил.

— Тогда так и запишем.

Эксперт перевернула куртку. Полоса на спине шла неровно: выше справа, ниже слева. Ткань ниже неё была темнее, а на верхней части оставались отдельные брызги. Андрей вспомнил лестницу у причала, волну и тело, лежавшее боком. Если Павел упал и долго находился в воде, пропитка должна была тянуть влагу вверх от швов, особенно у карманов. Здесь внешний слой намок широко, но подкладка выглядела иначе.

Он не стал говорить, пока Ольга Сергеевна не расстегнула куртку сама.

Внутренняя подкладка была влажной у пояса и по нижнему краю. На груди и вокруг внутренних карманов ткань оставалась светлее. Эксперт провела прибором над несколькими участками и вслух назвала показания помощнику. Цифры Андрею ничего не говорили, однако разница была заметна даже без прибора.

— Можно уточнить? — спросил он.

Тарасов кивнул.

— В карманах при изъятии находилась вода?

Следователь посмотрел в акт.

— Свободной воды не отмечено. Карманы на месте не выворачивали. Сейчас осмотрим.

— Телефон был во внутреннем кармане? — спросила Марина.

— Телефон обнаружен отдельно, на бетоне у верхней площадки лестницы, — ответил Тарасов. — Это уже есть в вашем вчерашнем объяснении.

Она сжала пальцы.

— Папа не положил бы его на бетон.

— Мы пока не устанавливаем, кто положил. Подтвердите привычку: где он обычно носил телефон?

— Во внутреннем кармане слева. Он застёгивается на молнию.

Эксперт показала этот карман камере. Молния была закрыта. Перед вскрытием она сменила перчатки, затем медленно потянула бегунок. Внутри лежал прозрачный чехол для пропуска, пустой и сухой на вид. Его извлекли пинцетом на чистую подложку. Бумажный вкладыш в чехле не расплылся, печать на нём оставалась резкой.

— Это пропуск отца? — спросил Тарасов.

— Да.

— Дата выдачи, фотография, номер совпадают?

— Да.

Ольга Сергеевна раскрыла второй внутренний карман. Там находились сложенный бумажный платок и два кассовых чека. Платок был смят, но не слипся. Чернила на чеках читались. Один чек — за кофе на заправке, другой — за батарейки. Время покупки батареек: двадцать один час сорок восемь минут, за несколько часов до предполагаемой смерти.

Марина подалась вперёд.

— Если он лежал в воде, бумага должна была промокнуть.

— Не обязательно, — сказал Сергей. — Внутренний карман застёгнут, ткань с пропиткой.

— Тогда почему куртка мокрая снаружи?

— Потому что снаружи вода.

Тарасов снова остановил их жестом.

— Не спорим. Фиксируем. Ольга Сергеевна, влажность содержимого и подкладки можно сравнить?

— Можно. Но окончательное заключение после лаборатории. Сейчас скажу только, что бумажные предметы сохраняют форму, видимых следов полного намокания нет.

Андрей смотрел на швы кармана. Нижняя часть куртки была мокрой, а верхняя — почти сухой изнутри. Такое могло случиться, если вещь недолго погрузили в воду, если внутри оставался воздух или если тело лежало не так, как записано. Ни один вариант пока нельзя было выбрать. Но версия о долгом пребывании в воде уже требовала объяснения.

— В раннем документе указано, сколько времени тело находилось в воде? — спросил он.

Сергей повернулся к нему.

— Этот документ не приобщён как достоверный источник.

— Я спрашиваю не о достоверности.

Тарасов пролистал несколько листов.

— В проекте указано: предположительно не менее трёх часов. Основание не приведено.

— За три часа бумажный платок в застёгнутом кармане мог остаться таким?

— Это вопрос эксперту, — сказал следователь.

Ольга Сергеевна не торопилась.

— Мог или не мог — плохая постановка. Зависит от глубины, положения тела, состояния мембраны, повреждений ткани, температуры и движения воды. Мы проверим, как распространялась влага. Сейчас достоверно только то, что внешняя и внутренняя части увлажнены неодинаково, а бумага не имеет видимых признаков полного промокания.

— Этого достаточно, — сказал Андрей.

— Для чего? — спросил Сергей.

— Чтобы не писать длительность нахождения в воде до заключения.

Тарасов закрыл папку.

— В новом протоколе длительности нет. Есть время обнаружения, подъёма и передачи тела. Проект, который получила Марина Павловна, будет исследован отдельно.

Сергей отошёл к окну. Андрей заметил, как тот потёр большим пальцем край телефона. Раньше таким движением Сергей проверял, закрыт ли предохранитель на кобуре. Теперь оружие было скрыто под пиджаком, а привычка осталась.

Эксперт перешла к наружным карманам. Правый был расстёгнут и влажный; в нём нашли монету, короткий карандаш и ржавую шайбу. Левый, с колечком вместо язычка, оказался закрыт. Внутри лежала сложенная вчетверо салфетка с нарисованными от руки двумя прямоугольниками и стрелкой между ними. Бумага отсырела по одному краю, но рисунок сохранился.

— Узнаёте почерк? — спросил Тарасов Марину.

— Папин. Но я не знаю, что это.

— Не трогайте.

— Я и не собиралась.

На одном прямоугольнике Павел написал «весы», на другом — «стар. скл.». Под стрелкой стояло «23:40». Номер контейнера отсутствовал.

— Старый склад, — тихо сказала Марина. — Он хотел туда идти?

— Это предстоит проверить, — ответил Тарасов.

Сергей подошёл ближе.

— В акте изъятия салфетка указана?

— Указано содержимое карманов без перечисления: мелкие предметы и бумага, — сказал следователь. — Ошибка первичной фиксации. Сейчас исправляем не задним числом, а отдельным осмотром.

Андрей посмотрел на него с уважением. Простая фраза отделяла исправление от подлога лучше любой лекции: ошибку не прятали, а оставляли видимой вместе с новым действием.

— Где старый склад? — спросил он.

— За четвёртым участком, — ответил Сергей. — Не используется третий год.

— Вчера ты говорил, что контейнер задержали на четвёртом.

— И что?

— Ничего. Пока ничего.

Тарасов велел эксперту продолжать. Все предметы разложили, сфотографировали и упаковали отдельно. С куртки сняли волокна и частицы с манжет, не пытаясь на месте назвать их происхождение. Синюю краску поместили в маленький бумажный конверт, поставили подписи и номер.

Марина следила за каждым движением. Когда эксперт закончила, она спросила:

— Можно узнать, что будет дальше?

— Проверим влагу в слоях ткани, состав краски и загрязнения, — сказал Тарасов. — Сопоставим с местом обнаружения. Вам сообщат о результатах в порядке, который предусмотрен для потерпевшей.

— А запасная куртка нужна?

— Для чего вы предлагаете?

— Сравнить ткань. Они одной марки. Отец покупал сразу две, только цвета разные.

Следователь посмотрел на серую куртку, оставшуюся у двери.

— У вас есть чек или ярлык?

— Ярлык внутри. Чек в его почте, наверное.

Ольга Сергеевна сказала:

— Контрольный образец пригодится, если модель и материал совпадают. Но изымать всю вещь необязательно. Можно зафиксировать маркировку и взять образец с внутреннего припуска с согласия владельца.

Марина согласилась. Серую куртку внесли в комнату только после того, как стол очистили и застелили новой бумагой. Андрей увидел одинаковую систему карманов и такую же плотную подкладку. На нагрудной молнии был целый язычок. Марина показала, как отец обычно застёгивал ворот, спрятав бегунок под тканевый клапан.

— Он делал так даже в помещении, если в кармане были документы, — сказала она. — Боялся не воды, а потерять.

Тарасов попросил её повторить действие на запасной вещи для камеры. Затем зафиксировал маркировку. Эксперт взяла несколько нитей с припуска, запечатала их и вернула куртку Марине по акту.

Осмотр закончился в тринадцать часов восемь минут. Андрей уже опаздывал. Он расписался в объяснении, внимательно прочитав каждую строку. Там было указано: видел синюю полосу при переносном освещении; границу влаги оценил визуально; к одежде не прикасался; происхождение следа ему неизвестно. Никаких слов об убийстве, тележке или переносе тела не было.

В коридоре Сергей догнал его у лестницы.

— Доволен?

— Чем?

— Нашли сухую бумажку, теперь будете рассказывать Марине, что Павла привезли на тележке и окунули в воду.

Андрей остановился.

— Про тележку сейчас сказал ты.

Сергей замер на полшага.

— Синяя краска. Старый склад. Очевидная версия.

— В порту десятки синих предметов.

— Именно. Поэтому не бегите искать один из них.

— Я на работу бегу.

— Андрей, послушай. Куртка с пропиткой может не промокнуть насквозь. Тело могло зацепиться за ступень, карман остался над водой. Краска могла появиться неделю назад. Не делай из каждого совпадения доказательство.

— Ты прав.

Сергей явно ждал спора и не сразу нашёл ответ.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы совпадения правильно записали. Сегодня их записали.

— Тарасов и без тебя умеет работать.

— Хорошо, если так.

Андрей пошёл вниз. Сергей окликнул его:

— К старому складу не суйся. Там аварийное здание и частная территория.

— Я услышал.

— Это не совет.

— Тогда оформляй запрет как положено.

На улице Марина ждала под козырьком с пакетами и серой курткой. Дождь прекратился, но ветер гнал с реки холод. Она спросила:

— Вы тоже заметили, что он первым сказал про тележку?

— Заметил. Но это может быть обычная догадка. Синий след на рукаве, схема к старому складу — до тележки недалеко додуматься.

— А сухие чеки?

— Важнее. Только не потому, что сами доказывают убийство. Они не сходятся с готовой фразой про три часа в воде. Эксперт проверит.

Марина прижала пакеты к боку.

— Значит, папу бросили в воду позже?

— Значит, мы пока не знаем, сколько он был в воде и в каком положении. Не отдавайте неизвестное первой удобной версии, даже если эта версия наша.

Она кивнула, но вопрос не исчез с её лица.

— Что делать со схемой?

— Ничего. Она у следователя. Пусть проверяют старый склад официально.

— А если не проверят?

— Тогда спросите письменно, какое решение принято по найденной записи. Вы потерпевшая, вам ответят или хотя бы оставят отказ на бумаге.

— Вы всё сводите к бумаге.

— Нет. Я стараюсь, чтобы люди не могли потом сказать, будто разговора не было.

Телефон Андрея завибрировал. Вадим Петрович спрашивал, собирается ли старший смены сегодня вернуться. Андрей показал Марине экран.

— Мне пора.

— Я отвезу вас.

— Не надо. Автобус быстрее по выделенной полосе.

Перед тем как уйти, он посмотрел на серую запасную куртку. На правой манжете не было ни пятна, ни потёртости, только обычная пыль в шве. Две одинаковые вещи прожили разные сутки: одна висела в шкафчике, другая встретилась с синим железом и водой. Между этими встречами пока не было установленного порядка.

В автобусе Андрей записал в блокнот четыре строки.

Внутренние карманы закрыты.

Бумага без полного намокания.

Синяя краска на правой манжете, две параллельные полосы.

Схема: весы — старый склад, 23:40.

Ниже добавил: «Не искать склад самому».

Он перечитал последнюю фразу дважды. Она была нужна не для памяти.

В «Маяк» Андрей вернулся в тринадцать тридцать две. Вадим Петрович молча протянул ему журнал отсутствий. Андрей вписал время и расписался. Потом надел форменную куртку, взял рацию и отправился проверять сигнализацию на складе бытовой техники.

У служебного лифта его остановила Вера. Она стояла с термокружкой и пакетом из пекарни, будто приехала случайно, но глаза выдавали заранее приготовленный разговор.

— Ты не отвечал, — сказала она.

— Был на осмотре.

— Я знаю. Марина прислала сообщение.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Хочу услышать от тебя, насколько глубоко ты уже там.

Рация на плече зашипела. Костя сообщил о споре у кассы. Андрей ответил, что подойдёт через минуту.

— Сегодня я был свидетелем осмотра, — сказал он дочери. — Ничего не брал, никуда не проникал, никем не представлялся.

— Сегодня.

— Да.

— А завтра?

— Завтра у меня смена.

Вера посмотрела на него так же, как утром Сергей: будто знала продолжение раньше него самого.

— Пап, я не прошу бросить Марину. Я прошу не делать вид, что ты можешь всё удержать без цены.

— Я не делаю.

— Делаешь. Когда говоришь «был свидетелем», ты перечисляешь, чего не нарушил. Значит, уже прикидывал, что можно нарушить потом.

Он хотел возразить, но вспомнил старую корочку, которую специально убрал из машины. Вера не знала о ней, а попала точно.

— На сегодня цена — час двадцать две минуты без оплаты и выговор начальника, — сказал Андрей. — Больше ничего.

— Скажешь, когда станет больше?

— Скажу.

— Не после?

— До.

Вера протянула пакет.

— Тогда поешь. У тебя лицо человека, который опять считает улику обедом.

Она ушла к выходу, а Андрей направился к кассам. По дороге телефон коротко завибрировал. Сообщение пришло от Марины: «Следователь официально запросил осмотр старого склада. Баженов сообщил, что доступа до утра не будет: замок опечатан владельцем».

Андрей не ответил сразу. У кассы мужчина доказывал, что охрана не имеет права задерживать его за неоплаченный чайник. Андрей выслушал продавца, проверил чек и увидел ошибку: кассир дважды провёл чужой товар, а чайник покупателя, наоборот, не попал в список. Через пять минут спор закончился доплатой и извинениями.

Только в комнате охраны он написал Марине: «Сохраните сообщение. Самостоятельно к складу не ездите».

Потом открыл фотографию своего блокнота. Синие полосы на манжете были параллельными. Не размазанное пятно от стены, а след двух узких рёбер. У низкой платформенной тележки борта как раз делали из согнутого уголка, но таких тележек в гавани могли быть десятки. Проверять нужно было не любую синюю тележку, а ту, которая ходила между весами и старым складом около двадцати трёх сорока.

Доступ к складу появится утром. Контейнер пока задержан. Куртка у эксперта. Впервые за два дня вещи находились там, где их нельзя было незаметно переписать одной фразой.

И всё же Андрей чувствовал тревогу. Замок, опечатанный владельцем, не означал, что в здании никто не окажется ночью. Он набрал номер Тарасова, дождался ответа и сказал только то, что мог подтвердить:

— Илья Романович, Марина сообщила про отсрочку осмотра. В записке Павла указано время двадцать три сорок. Если склад связан с его последним маршрутом, до утра там могут исчезнуть следы. Я прошу зафиксировать предупреждение.

— Уже зафиксировано, — ответил следователь. — У здания выставлен пост. И, Андрей Викторович, не приезжайте проверять пост.

— Не приеду.

— Хорошо.

Связь оборвалась. Андрей убрал телефон и посмотрел на шкафчик, где лежало его охранное удостоверение. Сегодня оно оставалось на своём месте, старая корочка — дома, а старый склад охранял действующий сотрудник. Так и должна была работать правильная последовательность.

Но сухая бумага из кармана Павла уже сделала одно важное дело: между телом и заранее написанным протоколом появилась щель. В неё пока нельзя было протиснуть обвинение. Зато

через неё проходил вопрос, который утром придётся задать вслух: кто привёз Павла к воде после встречи у весов?

Глава 5. Билет на шестьсот двадцать

В пять сорок утра Марина прислала Андрею фотографию письма от следователя. Тарасов приглашал её к девяти для передачи копий, найденных в домашней папке Павла. Внизу стояла отдельная строка: «При наличии документов с персональными или коммерческими сведениями не направлять изображения посторонним лицам».

Под строкой Марина написала: «Поэтому вам не пересылаю. Но там два билета Р-1148».

Андрей ответил: «Правильно. Передайте оригиналы по акту. Сфотографируйте акт».

Сегодня у него был выходной. Он мог бы поехать к управлению и ждать в коридоре, но приглашения не получил. Вместо этого сварил кофе, достал из шкафа папку с ипотечными бумагами Веры и проверил дату ближайшего платежа. Через двенадцать дней с его счёта должны были списать сумму, которую он обещал дочери добавить после сокращения её смен. Потеря лицензии пока существовала только в будущем плане, о котором никто, кроме него, не знал. Но цифра в графике делала эту цену настоящей заранее.

В восемь двадцать позвонил Тарасов.

— Андрей Викторович, Марина Павловна просит, чтобы вы присутствовали при осмотре документов. Вы видели один из билетов на её телефоне и можете пояснить, где именно. Сможете к девяти тридцати?

— Смогу.

— Документы получите не вы. Копии без моего разрешения не делаете.

— Понимаю.

— И ещё. Старый склад ночью никто не вскрывал. Пост на месте. Осмотр согласован на одиннадцать.

— Спасибо.

— Это не приглашение на склад.

— Я понял.

В комнате осмотров стоял новый стол. На нём Марина разложила прозрачную папку, не вынимая содержимого. Сергей отсутствовал. Тарасов объяснил на камеру, что документы обнаружены дома погибшего в нижнем ящике письменного стола. Марина нашла их утром, когда искала договор на телефон отца. До передачи она никому папку не показывала и ничего из неё не извлекала.

— Андрею Викторовичу вы содержание не пересылали? — спросил следователь.

— Нет. Только сообщила, что нашла два билета с одним номером.

— Откуда вы знали, что номер тот же?

— Прочитала через пластик.

Эксперт Ольга Сергеевна надела перчатки и вынула листы по одному. В папке лежали четыре документа: копия служебной записки Павла, распечатка электронной переписки и два весовых билета.

Первый Андрей уже видел на фотографии. Белая бумага, номер Р-1148, масса двадцать три тысячи двести двадцать килограммов, время семь сорок две. Внизу стояла подпись, похожая на подпись Льва Гущина, и круглый штамп весовой.

Второй билет был напечатан на желтоватой бумаге. Номер контейнера совпадал, как и номер пломбы 771904. Масса — двадцать три тысячи восемьсот сорок килограммов. Время — семь тридцать девять, на три минуты раньше. Вместо круглого штампа в правом углу виднелась прямоугольная рамка с буквами «РЕЗ».

Разница составляла ровно шестьсот двадцать килограммов.

Тарасов попросил Андрея описать билет, который тот видел на экране Марины у водной станции.

— Белый, двадцать три двести двадцать, семь сорок две, Р-1148. На фотографии край второго документа был виден частично. Число двадцать три восемьсот сорок я различил позже, когда Марина увеличила снимок. Оригиналов до сегодняшнего дня не видел.

— О резервной отметке знали?

— Нет.

— Что, по-вашему, она означает?

— Не знаю.

Марина посмотрела на него. Ей, вероятно, хотелось услышать прежнего опера, который сразу свяжет буквы со скрытой кассой. Андрей видел только рамку на бумаге. Всё остальное пока принадлежало не фактам, а ожиданию.

Ольга Сергеевна измерила листы, сняла края и просветила их лампой. На белом билете шёл бледный водяной знак поставщика портовой бумаги. На жёлтом его не было. Зато вдоль левого края повторялись едва заметные серые точки.

— Матричный принтер, — сказала эксперт. — Или другой ударный способ. Белый отпечатан лазерным. Точно после исследования.

— В порту есть матричный принтер? — спросил Тарасов.

Марина покачала головой.

— Отец говорил про старую машинку в комнате резервных весов. Она гремела, когда печатала. Но я там не была.

— Когда говорил?

— Летом. Мы обсуждали, почему на работе до сих пор используют бумагу с дырочками по краям. Он сказал, что резервную систему держат на случай отключения сети.

Тарасов записал её слова.

— Имя сотрудника называл?

— Нет.

В служебной записке Павел обращался к начальнику службы внутреннего контроля. Он просил сверить выгрузку основной весовой системы с резервными журналами за три месяца. Причина была сформулирована осторожно: повторяющиеся расхождения массы после временного отключения сети. Ни обвинений, ни фамилий. В конце стояла дата — понедельник, за два дня до смерти. На копии не было входящего номера.

— Он отправил её? — спросил Тарасов.

— Не знаю, — ответила Марина. — В почте есть черновик, но в отправленных я не нашла.

Распечатка переписки давала часть ответа. Павел написал человеку с адресом внутреннего контроля: «Если регистрировать сейчас, уйдёт Ракитину. Сначала нужна независимая выгрузка». Ответ состоял из одной строки: «Без номера я не смогу защитить ни документ, ни тебя».

Имя адресата на распечатке было обрезано. Осталась только первая буква фамилии — «К».

— Почему обрезано? — спросил следователь.

— Папка узкая, — сказала Марина. — Возможно, отец сам отрезал край, чтобы лист влез.

Ольга Сергеевна совместила линию среза с линейкой. Край был ровным, сделанным ножом или резаком. Андрей подумал, что человек, опасавшийся Ракитина, мог намеренно убрать имя помощника. Но вслух этого не сказал.

Тарасов закончил первичный осмотр, упаковал каждый лист отдельно и выдал Марине акт. Затем повернулся к Андрею.

— В порту сейчас проводят выемку данных основной системы. Мне нужен понятой, не связанный с портом и родственниками погибшего. Вы не подойдёте: уже давали объяснения и заинтересованы в проверке версии.

— Я и не напрашиваюсь.

— Зато можете помочь иначе. Вчера вы сказали, что Гущин путал смены. Составьте по памяти точные вопросы и передайте мне. Без ответов за него.

Андрей взял чистый лист.

Он написал пять пунктов.

Кто работал на основных весах в 07:39 и 07:42?

Кто имел доступ к резервному принтеру?

Как присваивается номер билета при резервной печати?

Почему один номер Р-1148 появился на двух носителях?

Где хранится журнал перехода на резервную систему?

Прочитал и добавил шестой: «Было ли официально зафиксировано отключение сети между 07:39 и 07:42?»

Тарасов убрал лист в папку.

— Вот теперь достаточно.

— Вы поедете на весовую до склада?

— Это не ваше дело.

Ответ был резким, но правильным. Андрей попрощался с Мариной и вышел. На лестнице его телефон зазвонил. Номер оказался незнакомым.

— Лунёв? — спросил мужской голос.

— Кто говорит?

— Человек, который не хочет сесть за чужие деньги.

— Имя.

— Не сейчас. Ты видел два билета?

Андрей остановился между этажами.

— Откуда у вас мой номер?

— В гавани у всех есть номера всех. Слушай: жёлтый билет не настоящий.

— Что значит «не настоящий»?

— Его нет в системе.

— Это делает его поддельным или резервным?

В трубке помолчали.

— Какая разница?

— Большая. Резервный может быть законным документом. Поддельный — нет.

— Законный имеет запись в журнале.

— В каком журнале?

Собеседник выругался и сбросил вызов.

Андрей записал номер и время. Затем вернулся к двери комнаты осмотров, постучал и показал Тарасову экран.

— Только что звонили. Голос мужской. Сказал, что жёлтого билета нет в системе, но законный резервный должен быть в журнале. Имя не назвал.

— Дословно?

Андрей повторил разговор. Следователь внёс его в дополнительное объяснение и попросил не перезванивать.

— Номер может быть подменным, — сказал он. — Проверим соединение.

— Голос я раньше не слышал.

— Уверены?

Андрей вспомнил Гущина у окна весовой, его короткие ответы и привычку втягивать воздух перед каждой ложью.

— Нет. По телефону голос меняется. Сходство с Гущиным возможно, но утверждать не могу.

Тарасов подчеркнул последние слова.

— Хорошо. Теперь действительно идите домой.

Домой Андрей не пошёл. Он поехал в «Маяк», хотя смены у него не было. В комнате охраны хранился учебный стенд с тремя видами принтеров: администрация использовала его, когда объясняла новым сотрудникам, почему чек на термобумаге нельзя ламинировать, а старые пропуска с матричной печатью читаются иначе. Андрей попросил разрешения у Вадима Петровича и сфотографировал только образцы точечной строки, без служебных данных.

— В порт принтеры сравнивать понёс? — спросил начальник.

— Нет. Хочу понять разницу.

— Разницу понимают эксперты.

— Поэтому фотографию оставлю себе.

Вадим Петрович закрыл шкаф со стендом.

— Я видел новости. Ты там уже не случайный прохожий.

— Я дал объяснение как свидетель.

— В третий раз?

— В третий.

— А работа у тебя одна. Помни.

Андрей кивнул. Напоминания накапливались с разных сторон: Сергей называл лицензию, Вера — цену, начальник — единственную работу. Ни один из них не требовал забыть Павла. Они требовали не лгать себе о последствиях.

В одиннадцать двадцать Марина сообщила, что осмотр старого склада начался. Она узнала об этом от Тарасова, но присутствовать ей не разрешили. В двенадцать пришло второе сообщение: «Нашли мокрый след от коробки, самой коробки нет. Больше пока ничего».

Андрей ответил: «Не связывайте это с билетами до официального результата».

Через минуту она прислала сердитое: «Я понимаю».

Он убрал телефон и пошёл пешком вдоль торговых рядов. В отделе бытовой техники работали сразу четыре принтера: лазерный выдавал ровный тёплый лист, чековый шуршал, матричный учебный образец в шкафу бил иглами через ленту. Одинаковое число, напечатанное разными устройствами, оставалось одинаковым числом, но путь его появления отличался. В деле этот путь мог значить больше массы.

В два часа Тарасов снова позвонил.

— Можете приехать к городской нотариальной конторе на Заводской? Не в порт. Марина будет там.

— Зачем?

— Павел оставил у нотариуса закрытый конверт. В заявлении указал вскрыть в присутствии дочери, если с ним случится несчастье на работе. Нотариус проверил свидетельство о смерти и согласен выдать сегодня.

— Моё присутствие обязательно?

— Нет. Марина просит. Я не возражаю, если вы будете только наблюдать.

Контора помещалась на первом этаже старого дома. В приёмной пахло бумагой и мебельным лаком. Нотариус проверила паспорта, зачитала запись в реестре и показала запечатанный конверт. Павел передал его за шесть дней до смерти.

Внутри лежала флешка и короткое письмо дочери.

«Марина, если читаешь это из-за моей работы, передай носитель следователю, не начальству порта. Здесь копии, не оригиналы. Я не знаю, кто именно получает деньги. Знаю только, как исчезает вес. Не ходи на весовую одна».

Марина дочитала, положила лист на стол и закрыла лицо ладонью. Никто не торопил её. Через минуту она выпрямилась.

— Передаю всё следователю.

Тарасов оформил получение флешки и письма прямо в конторе. Устройство упаковали, не подключая ни к телефону, ни к компьютеру нотариуса. Андрей поставил подпись только как присутствовавший при передаче.

— Когда посмотрите? — спросила Марина.

— В лаборатории сделают копию, оригинал останется неизменным. Если файлы открываются, предварительный результат будет сегодня.

— Можно мне копии?

— После оценки содержания решим.

На улице Марина стояла у машины, не открывая дверь.

— Он знал, — сказала она.

— Знал, что есть риск.

— Он написал «если случится несчастье». Значит, понимал, что его убьют.

— Не обязательно. Мог опасаться увольнения, нападения, попытки выставить его виноватым. Не заставляйте письмо говорить больше, чем отец успел написать.

— Почему вы всё время защищаете тех, кто это сделал?

— Я защищаю его доказательства. Если растянуть одно слово до готового обвинения, адвокат потом покажет, где оно порвалось.

Марина отвернулась к дороге.

— Простите.

— Не за что.

— Есть за что. Я злюсь на человека, который не даёт мне ошибиться слишком быстро.

Андрей не нашёл ответа. Он дождался, пока она сядет в машину, и пошёл к остановке.

Предварительный результат пришёл в восемь вечера. Тарасов собрал Марину, Андрея и Сергея в своём кабинете. На отдельном служебном ноутбуке была открыта копия содержимого флешки. Лаборатория зафиксировала контрольную сумму и сохранила исходник.

На носителе находились двенадцать файлов. Восемь фотографий весовых билетов, три выгрузки в формате таблиц и текстовая заметка Павла. Следователь не раздавал копии, а выводил документы по одному.

В основной выгрузке билет Р-1148 появился один раз: семь сорок две, двадцать три тысячи двести двадцать килограммов, оператор Лев Гущин. Система присвоила записи внутренний номер и отметила успешную передачу в центральную базу.

В резервной таблице тот же Р-1148 стоял в семь тридцать девять с массой двадцать три тысячи восемьсот сорок. Поле оператора было пустым. В колонке «основание» значилось «обрыв сети». Но журнал оборудования показывал, что связь в тот момент работала без перерыва.

— Значит, резервную запись создали без необходимости, — сказал Андрей.

— Вероятно, — поправил Тарасов. — Ещё нужно установить, откуда Павел получил таблицу и могла ли она быть изменена.

Следующая выгрузка содержала время входа пользователей. В семь тридцать семь в резервную программу вошли под общей учётной записью «Смена-2». В семь сорок один сессия завершилась. Основная система в это же время работала под именем Гущина.

— Один человек мог сидеть за двумя компьютерами? — спросила Марина.

— Комнаты рядом, — сказал Сергей. — Но могло быть двое.

— Кто знает пароль «Смена-2»? — спросил Андрей.

Сергей ответил не сразу:

— По словам начальника весовой, весь состав смены и Ракитин.

На экране появилась фотография жёлтого билета. В правом нижнем углу, почти за краем кадра, виднелась часть пальца в рабочей перчатке. На ткани была синяя краска.

Марина резко вдохнула.

— Как на рукаве.

— Цвет похож, — сказал Тарасов. — Совпадение состава установит экспертиза. Форма следа на перчатке другая.

Андрей смотрел на ноготь, скрытый тканью, и на маленький участок металлической поверхности под билетом. Поверхность была синей, исцарапанной, с двумя выпуклыми рёбрами. Не стол весовой: слишком грубо. Билет фотографировали на каком-то оборудовании.

— Можно увеличить низ? — спросил он.

Следователь приблизил изображение. По синей поверхности шла чёрная резиновая накладка. Рядом торчала головка болта.

— Тележка, — сказал Сергей.

Теперь слово прозвучало не как случайная догадка. Он наклонился к экрану и добавил:

— Платформенная. На четвёртом участке такие синие, с откидным бортом.

— Откуда знаете? — спросил Тарасов.

— Семь лет по этому порту хожу.

— Вчера вы сказали Лунёву не искать тележку до того, как увидели фотографию.

Сергей выпрямился.

— Синяя краска на манжете и старый склад. Версия очевидная.

— Для кого?

— Для любого, кто видел портовую технику.

Тарасов записал ответ. Андрей не вмешивался. Впервые следователь задавал Сергею тот же вопрос, который Андрей держал со вчерашнего дня.

Последним открыли текст Павла.

«Р-1148. Разница 620. Основная запись — после снятия ящика, резервная — до снятия. Номер пломбы перенесён на новую. Фотографировал на платформе, потому что в весовой камера Ракитина. Проверить старый склад. Если билет исчезнет, искать резервный рулон. Лев знает, кто печатал, но боится».

В кабинете стало тихо.

Имя весовщика впервые появилось не в догадке и не в анонимном звонке, а в записи погибшего, сохранённой у нотариуса до смерти. Это ещё не делало Льва свидетелем правды. Зато объясняло, почему он путал смены и почему неизвестный звонивший так быстро произнёс слово «журнал».

— Его нужно брать под защиту, — сказала Марина.

— Его нужно официально допросить, — ответил Тарасов. — Вопрос о мерах безопасности решим по его показаниям.

— Если он успеет дать показания, — сказал Андрей.

Следователь уже набирал номер.

Первый вызов остался без ответа. Второй тоже.

Сергей позвонил дежурному и попросил направить патруль к дому Гущина. Затем связался с портом. На весовой сообщили, что Лев закончил смену в семнадцать, вышел через проходную и оставил машину на стоянке.

— Пешком ушёл? — спросил Тарасов.

Сергей слушал, нахмурившись.

— Камеры посмотрят. Телефон вне сети.

Марина встала.

— Мы можем помочь искать.

— Нет, — одновременно сказали Андрей и следователь.

Тарасов закрыл ноутбук.

— Марина Павловна, домой. У дома останется сотрудник до утра. Андрей Викторович, вы тоже никуда не едете. Сергей Петрович, останьтесь.

В коридоре Марина спросила:

— А если Лев и звонил вам утром?

— Тогда он хотел сказать достаточно, чтобы его нашли, и недостаточно, чтобы назвать себя.

— Почему?

— Потому что пока человек говорит без имени, он думает, что может вернуться в прежнюю жизнь.

— Может?

Андрей посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— После смерти Павла — уже нет.

На улице он дождался, пока патрульная машина увезёт Марину. Потом сел в автобус, хотя собственная машина стояла у дома и позволила бы добраться до порта быстрее. Это было сознательное неудобство. В старой работе скорость часто казалась добродетелью сама по себе. Сейчас самое полезное действие состояло в том, чтобы не опередить тех, у кого были полномочия.

Телефон зазвонил, когда автобус проезжал мост. Тарасов говорил быстро:

— Гущин дома. Жив, дверь открыл. Телефон разбил и выбросил во дворе. Говорит, что упал.

— Понятно.

— Вам понятно больше, чем мне?

— Нет. Только то, что теперь нужен не его телефон, а ответ, чего он испугался после звонка.

— Утром узнаем. И ещё: в резервной комнате нашли принтер. В нём новый рулон. Старого нет.

— Павел написал искать резервный рулон.

— Я помню.

Связь оборвалась.

Андрей смотрел в тёмное окно автобуса. Шестьсот двадцать килограммов были уже не простой разницей двух чисел. Сначала с контейнера сняли ящик, потом провели официальное взвешивание, а прежнюю массу оставили на бумаге, которой не полагалось существовать. Между этими двумя действиями кто-то перенёс номер пломбы на новый металл. Павел успел увидеть оба веса и спрятать копии, но не успел назвать человека.

Зато оставил направление: резервный рулон.

Если его не уничтожили, на длинной ленте должны были сохраниться соседние билеты. Один поддельный лист можно было объявить ошибкой. Ряд одинаковых расхождений становился способом работы.

А способ работы всегда требовал не одного человека, а смены, помещения и привычки молчать.

Глава 6. Вдова, которую пожалели

Нину Крупину Андрей нашёл не по старому адресу из газетной вырезки. Дом у железнодорожной насыпи снесли два года назад, жильцам дали квартиры на окраине, и в открытом справочнике фамилии уже не было. Он не стал звонить знакомым из полиции. Позвонил Сергею и спросил прямо:

— Ты дашь мне её номер или передашь ей мой?

— Зачем тебе Нина?

— Хочу услышать, о чём она просила семь лет назад.

— Она всё сказала тогда.

— В протоколе или тебе?

Сергей замолчал. Андрей стоял у служебного входа «Маяка», ждал начала смены и смотрел, как грузчики заносят в магазин коробки с электрическими чайниками. Каждый ящик проходил через рамку и попадал в журнал. В порту ящик весом шестьсот двадцать килограммов сумел исчезнуть между двумя бумажками. От этого обычный утренний учёт казался почти роскошью.

— Не лезь к ней, — наконец сказал Сергей. — У женщины давление. Сын в другом городе. Она одна.

— Передай ей мой номер. Пусть сама решит.

— Ты уже решил, что я её обманул.

— Я решил только, что документ был неправдой. Остальное хочу спросить у неё.

— У меня сейчас Гущин на допросе.

— Поэтому передай после допроса.

Сергей отключился. Андрей убрал телефон и заступил на смену.

До полудня ничего не происходило. Подросток попытался вынести наушники в рукаве, но вернул их до выхода из магазина. У кофейни потекла труба, и Андрей перекрыл воду, пока техник искал новый хомут. Пожилая женщина потеряла кошелёк, который через двадцать минут нашли под столом в зоне питания. Каждая маленькая неприятность имела начало, свидетелей и конец. Никому не требовалось сочинять удобную версию до того, как подняли кошелёк или открыли стену.

В двенадцать сорок позвонил Тарасов.

— Гущин подтвердил, что звонил вам. Пока неофициально говорил больше, чем в протоколе. Официально утверждает, что резервный билет мог напечатать любой начальник смены.

— Телефон тоже любой начальник смены разбил?

— Уронил с балкона, по его словам.

— Он живёт на втором этаже.

— Я знаю. Вы это откуда знаете?

Андрей не ответил сразу. Адрес Гущина мелькнул в старой базе, когда они с Сергеем семь лет назад проверяли портовых рабочих по делу Крупина. Он помнил не номер квартиры, а низкий балкон над аптекой.

— Был там по старому делу. Дом запомнил.

— Вот о старом деле и хотел спросить. Сергей сказал, что вы разыскиваете Нину Крупину.

— Не разыскиваю. Попросил передать ей мой номер.

— Если встретитесь, не превращайте разговор в допрос. Она не обязана ничего объяснять.

— Сначала спрошу, хочет ли она говорить.

— И сообщите мне, если назовёт новые факты. Не после того, как проверите сами.

— Сообщу.

Тарасов положил трубку. Через десять минут пришло короткое сообщение с неизвестного номера: «Это Нина Крупина. Сергей сказал, вы хотите поговорить. Сегодня в четыре у поликлиники на Лесной. Внутрь не ходите».

Андрей попросил Вадима Петровича отпустить его на час раньше. Начальник посмотрел в табель, потом на него.

— Опять порт?

— Старое дело. Личная встреча после смены.

— Тогда почему раньше?

— Она назначила на четыре.

— Кто она?

— Свидетельница, которая сама согласилась поговорить.

Вадим Петрович вздохнул и провёл ручкой по строке табеля.

— У тебя переработка с воскресенья. Сниму час оттуда. Но если полиция решит, что ты работаешь сыщиком под нашей лицензией, я первым подпишу бумагу, что поручений тебе не давал.

— Правильно сделаете.

— Не соглашайся так быстро. От этого ещё тревожнее.

У поликлиники стояли две женщины. Одна продавала яблоки из картонной коробки, другая курила под знаком запрета. Нина вышла ровно в четыре: невысокая, в сером пальто, с белым аптечным пакетом. Андрей узнал её по газетной фотографии, хотя тогда волосы у неё были тёмными и длинными. На снимке она держалась за локоть Сергея, а Ракитин стоял позади, будто случайно попал в кадр.

— Лунёв? — спросила она.

— Андрей Викторович. Мы встречались семь лет назад, но недолго.

— Я помню. Вы в кухне окно закрыли. Оно хлопало.

Андрей этого не помнил. В памяти остались тесная прихожая, мокрые мужские ботинки и Сергей, который говорил за всех. Окно исчезло вместе с другими мелочами, не попавшими в бумаги.

— Где вам удобно поговорить?

— Здесь неудобно. Пойдёмте.

Она не предложила дом. Повела его через двор к скверу между поликлиникой и школой. На скамейках лежал влажный снег, поэтому они остановились под навесом автобусной остановки. Нина поставила аптечный пакет между ног и застегнула ворот пальто.

— Сергей сказал, что умер ещё один человек.

— Павел Седых. Ревизор порта.

— Я в новостях видела. Там сказали, упал в воду.

— Это проверяют.

— А Родиона уже не проверяют.

— Старое дело могут поднять, если появились основания. Я пришёл не обещать это. Мне нужно понять, просили ли вы Сергея менять протокол.

Нина посмотрела на него без удивления, словно семь лет ждала именно этой фразы и успела устать заранее.

— Как менять?

— Не указывать вскрытую пломбу на участке, где погиб ваш муж. Записать место и обстоятельства так, чтобы смерть признали несчастным случаем на работе без спора со страховой.

Автобус подошёл, выпустил двух пассажиров и ушёл. Нина дождалась, пока шум двигателя стихнет.

— Я просила не тянуть с выплатой, — сказала она. — Это правда. У нас кредит был и похороны. Сын тогда учился. Мне в порту говорили: если найдут нарушение Родиона, всё остановят. Я Сергею сказала, что не переживу ещё и судов. Но что писать, не говорила. Про пломбу не знала.

— Сергей объяснил, что изменил документ?

— Нет. Сказал, что убрал лишнюю путаницу. Я решила, это какие-то их слова. Потом страховая перечислила деньги за две недели. Сорок дней ещё не было.

— Обычно сколько ждали другие семьи?

— Месяцами. У соседки муж на кране руку потерял, она полгода бумаги носила. А мне всё сделали быстро. Я тогда думала: хоть в чём-то повезло. Стыдно говорить, но думала именно так.

Андрей не стал утешать её. Быстрая выплата после смерти мужа не была удачей, но человек в долгах имел право ухватиться за единственную открытую дверь.

— Когда вы поняли, что документ неправдивый?

— Через год. Может, чуть раньше. Ракитин пришёл перед проверкой из страховой. Принёс конверт с копиями и сказал: если кто спросит, Родион работал у третьего причала и к пломбам не подходил. Я сказала, что меня никто не спрашивал про пломбы. Тогда он показал фотографию.

— Какую?

— Родион у контейнера. В руке кусачки, на земле проволока. Дата стояла та же ночь.

— Фотография осталась у вас?

— Нет. Он держал её сам. Потом положил обратно в конверт.

— Лицо Родиона было видно?

— Видно. И жилетка его. Красная, с прожогом возле кармана.

— Что сказал Ракитин?

— Что Сергей ради меня убрал эту фотографию из материалов. Что если я начну вспоминать лишнее, выплату заставят вернуть, а Сергея посадят за подлог. Слово такое и сказал — «подлог». До того дня я не знала, что меня спасали ложью.

Нина произнесла «спасали» с такой неприязнью, будто слово принадлежало Ракитину и пачкало ей рот.

— Он требовал денег?

— Не сразу. Сначала подпись. Я написала, что Родион никогда не работал с пломбами и в ту ночь был назначен на разгрузку у воды. Потом ещё раз — что на фотографии не он. Хотя я видела, что он.

— Эти заявления куда передавали?

— Ракитину. Он говорил, для внутренней проверки.

— Сергей знал?

— Я спросила. Он приехал вечером, сидел у меня на кухне. Сказал: «Нина, не трогай. Всё уже закончилось правильно». Я спросила, что именно правильно. Он ответил, что семья получила деньги и виноватых искать бессмысленно, потому что Родион сам нарушил инструкцию.

— А вы что ответили?

— Что если сам нарушил, так и надо было писать. Я бы злилась, плакала, но знала бы правду. Сергей сказал, что правда оставила бы нас без денег.

Нина подняла аптечный пакет. Ручки натянулись, внутри звякнули стеклянные флаконы.

— Я эти деньги потратила, — продолжила она. — Кредит закрыла, сыну за общежитие заплатила, памятник поставила. Вернуть уже не могла. С этого и началось. Они сделали так, что согласия не спросили, а долг получился мой.

— Что Ракитин требовал потом?

— По-разному. Иногда позвонит и спросит, не приходил ли кто из полиции. Иногда попросит сказать, что Родион выпивал на смене. Он не выпивал. Один раз велел забрать из камеры хранения сумку и оставить у автовокзала.

— Когда это было?

— Три года назад, весной.

— Что было в сумке?

— Не открывала.

— Размер, вес?

— Обычная спортивная, тяжёлая. Килограммов десять. Может, бумаги, может, железо. Я донесла до такси, сама не таскала.

— Номер камеры хранения помните?

— Семнадцать. Код он прислал сообщением.

— Телефон сохранился?

— Тот нет. Этот новый.

— Ещё просьбы?

— Перед прошлым Новым годом велел позвонить Льву Гущину и попросить встретиться. Будто по делу Родиона. Лев пришёл, а там ждал Ракитин. Я ушла.

Андрей почувствовал, как старая история соединяется с новой не через догадку, а через конкретную встречу. Но значение встречи пока оставалось неизвестным.

— Почему Гущин согласился прийти к вам?

— Он работал с Родионом в одной смене. После похорон приносил продукты. Думал, наверное, я что-то нашла.

— Что произошло после встречи?

— Не знаю. Лев вышел через полчаса, бледный. Сказал, чтобы я больше его не звала. Ракитин остался и напомнил, что квартира у меня куплена на страховые деньги.

— Квартира ведь получена после сноса дома.

— Он и этого не знал. Ему не деньги были нужны. Ему нужно было, чтобы я каждый раз вспоминала: всё, что у меня есть, будто бы дал он.

По дороге проехала машина скорой помощи без сирены. Нина проводила её глазами.

— Вы говорили об этом сыну? — спросил Андрей.

— Нет. Он думает, Ракитин просто хороший начальник отца, помог с выплатой. Если узнает про заявления, спросит, почему я подписывала.

— Что ответите?

— Что боялась вернуть деньги. Это не красивый ответ, но другой будет ложью.

Андрей вспомнил, как Сергей у воды назвал давний подлог помощью семье. Помощь, о которой получателю нельзя рассказать, быстро превращалась в собственность того, кто помог. Сергей, возможно, действительно хотел избавить вдову от долгого спора. Но выбрал за неё не только деньги. Он выбрал, какую правду ей можно знать, что она должна подписывать потом и сколько лет Ракитин сможет приходить к её двери.

— Нина Михайловна, вы готовы повторить это следователю?

— По делу Павла?

— Сначала ему. Он решит, к какому производству относятся сведения.

— А выплату заберут?

— Я не могу обещать, что последствий не будет. Сроки, основания выплаты и ваши подписи должен оценивать юрист. Но молчание уже не защищает ни деньги, ни Сергея. Ракитин использует старый документ сейчас.

— Сергей вам друг?

— Был напарником.

— Это не ответ.

— Друг. Поэтому я не хочу, чтобы его ложь называли добрым делом. Доброе дело не должно оставлять другого человека в залоге.

Нина долго смотрела на аптечный пакет. Потом достала телефон.

— Звоните вашему следователю. Только я сама скажу, где встречаться. Домой не поведу.

Андрей набрал Тарасова и включил громкую связь после разрешения Нины. Он сообщил только необходимое: Нина утверждает, что не просила менять протокол; Ракитин показывал ей фотографию вскрытой пломбы и требовал ложных заявлений; три года назад использовал её для передачи сумки; год назад через неё назначил встречу Гущину.

— Нина Михайловна, — сказал Тарасов, — вы согласны дать показания официально?

— Согласна. Но не в порту и не у меня дома.

— Подойдёт кабинет в районном отделе на Садовой? Я направлю женщину-сотрудника и сам приеду.

— Сегодня?

— Если вам удобно.

— Сегодня. И Сергея там не должно быть.

Тарасов подтвердил. Встречу назначили на шесть.

До отдела оставалось полтора часа. Нина отказалась от кафе и предложила пройти две остановки пешком. Андрей шёл рядом, не задавая вопросов. У хлебного киоска она сама заговорила:

— Вы тогда почему ушли из полиции?

— Не из-за дела вашего мужа.

— Я не спрашиваю из-за чего. Спрашиваю почему.

— Не согласился подписать рапорт так, как требовал начальник. Потом сделал другую глупость: решил, что если уйду сам, то никому ничего не должен объяснять.

— Получилось?

— Нет.

— У Сергея тоже не получится.

— Похоже, нет.

На Садовой они пришли раньше. Дежурная провела Нину в комнату для посетителей. Андрей остался в коридоре. Через двадцать минут приехал Тарасов с молодой сотрудницей в гражданском. Следователь поздоровался, забрал у Андрея записку с номером Нины и попросил ждать только в том случае, если она захочет, чтобы он подтвердил обстоятельства встречи.

— Есть ещё одно, — сказал Андрей. — Нина описала фотографию Родиона у контейнера: кусачки, проволока, красная жилетка с прожогом. Ракитин держал снимок у себя.

— Время на фотографии?

— По её словам, дата той ночи. Точное время не спросил.

— Почему?

— Потому что она согласилась говорить с вами, а не со мной. Не хотел продолжать допрос.

Тарасов кивнул.

— Правильно. Гущин признал, что Ракитин встречался с ним через Крупину. Содержание разговора пока скрывает. Теперь связь подтверждается с другой стороны.

— Сергей знает, что она здесь?

— Нет. И вы ему не сообщайте.

Андрей сел на деревянную скамью у окна. За матовым стеклом кабинета двигались тени. Он слышал отдельные слова, но не пытался разобрать. Через час сотрудница вышла за водой. Ещё через сорок минут Тарасов попросил Андрея войти.

Нина сидела за столом. Перед ней лежали исписанные листы. Она выглядела уставшей, но аптечный пакет больше не держала на коленях — поставила у стены.

— Подтвердите, — сказал Тарасов, — что не обещали Нине Михайловне сохранение выплаты, освобождение от ответственности или защиту Сергея Баженова.

— Не обещал. Сказал, что последствий не знаю и их должен оценивать юрист.

— Вы предлагали ей определённую версию событий?

— Нет. Спросил, просила ли она менять протокол. Остальное она рассказала сама.

Нина подписала последнюю страницу и вернула ручку.

— Я ещё одну вещь вспомнила, — сказала она. — В тот первый раз Ракитин пришёл не один. В машине сидел мужчина из страховой. Фамилия начиналась на «К». Он не вошёл, только забрал конверт.

Тарасов посмотрел на неё.

— Вы видели лицо?

— Видела в окно. И потом узнала его на фотографии в газете. Он сейчас в порту работает, во внутреннем контроле.

— Фамилию знаете?

— Котов. Кажется, Аркадий Котов.

Андрей вспомнил обрезанный адрес в распечатке Павла: первая буква фамилии — «К». Человек из внутреннего контроля предупреждал ревизора, что без входящего номера не сможет защитить документ. Если это был тот же Котов, он мог семь лет назад забрать конверт Ракитина, а теперь пытаться помочь Павлу. Или делал вид, что помогает. Одна буква позволяла обе версии.

— Не соединяйте пока, — сказал Тарасов, заметив его взгляд. — Сначала установим адресата письма.

— Согласен.

Нина застегнула пальто.

— Я могу идти?

— Сотрудница вас проводит, — сказал следователь. — Номер Ракитина заблокируйте, но сообщения не удаляйте. Если он свяжется другим способом, не отвечайте и звоните нам.

— Сергею тоже не отвечать?

Тарасов немного помедлил.

— Если разговор касается дела — сначала сообщите мне. В бытовом разговоре я запретить не могу.

— У нас с ним давно нет бытовых разговоров.

Она взяла пакет и повернулась к Андрею.

— Семь лет назад вы окно закрыли, а Сергей сказал, что сквозняк полезен. Я тогда подумала: один замечает, что мне холодно, другой уже решил, что для меня полезно. Надо было запомнить.

— Тогда никто не обязан был разбираться один, — ответил Андрей.

— Но разбираться всё равно пришлось.

После её ухода Тарасов открыл электронную копию показаний и указал на абзац о первой встрече с Ракитиным.

— Она запомнила номер машины. Частично: семь, четыре и регион. Проверим старую регистрацию. Если подтвердится Котов, вызовем отдельно.

— А Сергей?

— Его вызову после того, как закрепим фотографию и заявления. Вы не предупреждаете.

— Не предупрежу.

— Вам это трудно?

Андрей посмотрел на тёмное окно. Сергей однажды выбрал за Нину быструю выплату и назвал выбор состраданием. Теперь предупредить его заранее значило бы сделать то же самое: решить за другого, какая правда ему полезнее и когда он должен её услышать.

— Трудно, — сказал Андрей. — Поэтому и не предупрежу.

На улице уже зажглись фонари. Андрей дошёл до остановки и увидел три пропущенных вызова от Сергея. Четвёртый поступил, пока он смотрел на экран.

Он ответил.

— Ты был у Нины? — спросил Сергей.

— Был.

— Что она наговорила?

— То, что сочла нужным, она сказала следователю.

— Я просил её не трогать.

— Ты просил меня не трогать. Её ты опять не спросил.

Сергей тяжело выдохнул.

— Ты не понимаешь, как было тогда. Страховая бы отказала. Родиона сделали бы вором. Сына выгнали бы из института за долги.

— Возможно. Но ты убрал не только спорную фотографию. Ты отдал Ракитину возможность семь лет приходить к ней с этой фотографией.

— Я не отдавал ему ничего.

— Он знал, что ты изменил протокол.

— Он догадался позже.

— Откуда у него исходный снимок?

В трубке стало тихо. За спиной Андрея открылись двери автобуса, люди прошли мимо, водитель закрыл их и уехал без него.

— Какой снимок? — спросил Сергей слишком поздно.

— Родиона у вскрытой пломбы.

— Нина могла перепутать.

— Ты уже знаешь, что было на снимке, хотя я не описал.

— Я вёл дело.

— Ты вёл его так, что Ракитин получил рычаг и над вдовой, и над тобой.

— Не учи меня задним числом.

— Тогда скажи сейчас: готовый протокол по Павлу ты написал до осмотра потому, что Ракитин показал старый снимок?

Сергей не ответил. Андрей слышал его дыхание и далёкий голос дежурного.

— Завтра поговорим, — сказал наконец Сергей.

— Завтра говори с Тарасовым.

— Он не знает всего.

— Поэтому расскажи.

Связь прервалась.

Андрей записал разговор по памяти и сразу отправил Тарасову: без толкований, только вопросы, ответы и пауза перед словами «какой снимок». Потом сел в следующий автобус.

За окном тянулись склады, автомастерские и мокрые дворы. В порту исчез резервный рулон, Гущин разбил телефон, а фамилия Котов появилась на краю двух старых историй. Но важнее было другое: Нина впервые сама выбрала, что сказать и кому. Семь лет Сергей называл свою ложь помощью, потому что результат казался ему добрым. Теперь стало видно продолжение этого результата — подписи, сумка из камеры хранения, встреча Гущина и страх перед дверным звонком.

Жалость не оправдывала подлог. Она объясняла первый шаг.

Все следующие шаги сделал уже тот, кому достался рычаг.

Глава 7. Смена без машины

Утром Тарасов позвонил Андрею до будильника.

— Вы записали вчерашний разговор с Сергеем по памяти. Готовы повторить под подпись?

— Готов.

— В девять приезжайте. И возьмите очки, если нужны. Будет много мелких цифр.

— Каких?

— Порт передал журнал выезда за ночь смерти Павла. Марина нашла в городской системе камеру, которая смотрит на единственную дорогу от грузового терминала. Следователь вправе получить запись, но лаборанта водной станции к ней не допустят. Вас приглашаю как человека, уже видевшего номера контейнера и билетов. Только наблюдаете и отвечаете на вопросы.

В кабинете стоял отдельный монитор. Рядом сидела специалистка отдела цифровых доказательств, которую Тарасов представил как Ирину Даниловну. Она сразу объяснила порядок: запись скопирована с городского сервера с проверочной суммой, исходный файл не изменён, на экран выводится рабочая копия. Время камеры сверили с сервером точного времени; отставание составляло одиннадцать секунд.

На столе лежала копия портового журнала. В 00:18 через выездной шлагбаум якобы прошёл контейнеровоз «Вольво» с номером М 417 КР, прицепом 3082 и контейнером Р-1148. Направление — судоремонтная база на южной дороге. Возврат машины был записан в 01:07 уже без контейнера.

— Если запись верна, — сказал Тарасов, — к моменту, когда Павла по ранней версии нашли у воды, контейнер находился вне порта.

— Но вчера он стоял на четвёртом участке, — заметил Андрей.

— В журнале есть обратный ввоз в шесть десять. Та же машина, тот же прицеп, тот же контейнер.

Ирина Даниловна открыла видео с 00:10. Камера висела над перекрёстком в девятистах метрах от портовых ворот. Любая машина, выехавшая на южную дорогу, должна была пройти под ней. За следующие двадцать минут проехали три легковых автомобиля, городской автобус без пассажиров и мусоровоз. Контейнеровоза не было.

Они просмотрели участок ещё раз на удвоенной скорости, затем покадрово. В 00:24 у края изображения появился белый тягач, но повернул к рыбному терминалу; номер начинался с другой цифры, прицеп был пустым.

— Может уйти северным выездом? — спросил Андрей.

Тарасов показал схему.

— Северный закрыт ремонтом уже месяц. Камеры порта подтверждают, что ворота не открывались. Служебная калитка для людей к делу не относится.

— Тогда запись в журнале не описывает выезд.

— Или городская камера пропустила машину.

Ирина Даниловна увеличила служебные данные файла.

— Пропусков в записи нет. Непрерывность подтверждается последовательностью кадров и журналом сервера. Но камера видит дорогу, а не сами ворота. Машина могла выехать и остановиться между портом и перекрёстком.

— Там есть куда свернуть? — спросил Андрей.

— Один въезд на старую таможенную площадку, — ответил Тарасов. — Она принадлежит порту и соединена с внутренним проездом через складской ряд.

Старый склад Павел отметил на схеме временем 23:40. Андрей провёл пальцем по копии карты, не касаясь журнала.

— То есть шлагбаум мог открыться, машина могла отметиться как вышедшая, но остаться внутри портовой территории или заехать на площадку до городской камеры.

— Могла, — сказал следователь. — Но сначала выясним, существовала ли машина.

Он передал Андрею фотографию из базы регистрации. Синий «Вольво», номер М 417 КР, принадлежал фирме «БалтТрансРемонт». Ни порт, ни Ракитин в учредителях не значились. Тарасов набрал указанный номер фирмы на громкой связи.

Мастер ответил после третьего гудка. Узнав номер машины, засмеялся:

— Она у нас сама никуда не ходит с сентября. Коробку сняли, кабина на подпорках.

— Где машина находилась в ночь со вторника на среду?

— Во дворе мастерской.

— Это можно подтвердить?

— Камера есть. И акт ремонта. И коробка отдельно лежит, если хотите посмотреть.

— Кто имел доступ к государственным номерам?

Смех прекратился.

— Номера на машине. Передний могли открутить, двор ночью сторожит один человек. Но зачем?

— Проверяем запись в журнале. Ничего не трогайте. Сотрудники приедут сегодня.

После разговора Тарасов отметил время звонка.

— Теперь машина в журнале есть, а на дороге и в движении её нет.

— Номер могли повесить на другой тягач, — сказал Андрей.

— Могли. Камера на портовом шлагбауме должна показать кабину, но запись за нужный час испорчена засветкой.

— Случайно?

— Пока это только качество изображения. Не подсказывайте преступлению умысел раньше эксперта.

Тарасов произнёс почти теми же словами, которыми Андрей останавливал Марину. Это не задело. Правило имело смысл именно тогда, когда применялось ко всем версиям.

Ирина Даниловна открыла второй файл — запись с муниципальной камеры у ремонтной мастерской. Изображение было чёрно-белым, но синий тягач узнавался по светлым полосам на кабине. С полуночи до двух во двор никто не входил. Машина стояла без переднего колеса, под рамой виднелась опора. В 00:18 по мокрому капоту прошла тень ветки, и больше ничего не изменилось.

— Государственный номер различим? — спросил Тарасов.

— Передний частично закрыт снятым бампером, заднего на тягаче нет, он крепится на прицепе, — сказала специалистка. — Но машину нельзя привести в движение без крупных работ.

— Значит, в портовом журнале использовали данные машины, которую точно не могли встретить на дороге, — сказал Андрей.

— Именно данные, — поправил Тарасов. — Не обязательно номера как металлические таблички.

В журнале рядом с записью стояли инициалы контролёра — А. П. Юдин. Его уже опросили ночью. Юдин утверждал, что видел синий тягач и проверил пропуск через закрытое стекло будки. Номер прицепа ему продиктовал водитель, потому что грязь закрывала последние цифры.

— Лицо водителя? — спросил Андрей.

— Капюшон, тень от козырька. Узнать не сможет. Пропуск оказался оформлен на водителя «БалтТрансРемонта» Игоря Шубина.

— Тот был в мастерской?

— В больнице. Аппендицит, операция за день до смерти Павла.

Ложная запись была собрана из настоящих частей: существующая машина, настоящий водитель, действующий когда-то пропуск. Именно поэтому она прошла беглый контроль. Выдуманный номер заметили бы сразу. Номер сломанного тягача выглядел надёжно, пока кто-нибудь не посмотрел на сам тягач.

— Кто в порту знал, что машина в ремонте, а водитель в больнице? — спросил Андрей.

— Диспетчер транспортного отдела. Возможно, весовая. Ракитин получал суточный список допущенных машин. Круг пока широкий.

Тарасов перевернул страницу журнала. В 00:31 был отмечен выезд платформенной тележки на техническую мойку. Отдельной строки для неё не полагалось: приписка появилась на полях чужим почерком. Возврат не указан.

— Тележки через автомобильный шлагбаум не выпускают, — сказал Андрей.

— Юдин говорит, что записал её как груз на прицепе контейнеровоза.

— Тогда почему время отличается на тринадцать минут?

— Он исправил объяснение. Сначала сказал, что тягач выехал в 00:18, потом вспомнил остановку для крепления тележки и записал 00:31 на полях.

Андрей посмотрел на две строки. Если верить им обеим, контейнеровоз покинул порт, а через тринадцать минут вывез тележку, уже находясь за воротами.

— Нельзя погрузить тележку на машину после её выезда, — сказал он.

— Можно, если отметка 00:18 означала не выезд, а начало перемещения внутри территории.

Тарасов впервые сам произнёс эту версию. Он положил рядом карту порта. От четвёртого участка к шлагбауму шла дорога, но перед будкой ответвлялась к старому складу и таможенной площадке. Датчики на внутренних воротах сохраняли только время открытия, без номера машины. В 00:17 ворота складского ряда открылись пропуском мастера участка Виктора Ракитина. В 00:32 закрылись.

— Он объяснил, что проверял протечку крыши, — сказал Тарасов. — Камера внутри склада не работала из-за отключённого автомата.

— А пост у старого склада нашёл мокрый след от коробки.

— След старый, возраст точно не определить. Не соединяем пока.

Дверь кабинета открылась, вошла сотрудница с пакетом документов из порта. Среди них оказался суточный лист диспетчера. В графе машины М 417 КР было написано: «внутр. перест. Р-1148, скл. С-4». Затем слова зачеркнули одной линией, сверху вписали «южн. база». Оригинал позволял видеть нижнюю запись, на копии она почти исчезала.

Тарасов вызвал эксперта для изъятия листа и никому не позволил брать его руками. Андрей наклонился, но не подошёл ближе.

— С-4 — старый склад? — спросил он.

— По плану да.

— Тогда журнал выезда переделали из внутреннего перемещения.

— Похоже на это. Окончательный вывод после исследования чернил и опроса диспетчера.

На обороте листа стояла подпись Льва Гущина в строке сверки массы. Время — 00:36. Он утверждал, что закончил работу в одиннадцать вечера и ушёл домой. Камера проходной показывала его выход в 23:08, но обратного входа не было.

— Подпись могли поставить за него, — сказал Андрей.

— Или он вернулся через служебную калитку. Или подписал пустой лист раньше. Три версии, — отозвался Тарасов.

Телефон следователя завибрировал. Он прочитал сообщение и включил громкую связь при следующем звонке. Сотрудник из мастерской докладывал с места: коробка передач «Вольво» снята шестнадцать дней назад, машина стоит на опорах, передний номер на месте.

Камеры двора подтверждают непрерывное нахождение тягача. Прицеп 3082 фирме никогда не принадлежал; номер такого прицепа зарегистрирован в соседней области и списан после пожара четыре года назад.

— Фиксируйте всё, — сказал Тарасов. — У сторожа возьмите объяснение, записи изымайте с владельцем системы.

Теперь в портовом журнале не осталось ни одной движущейся вещи, которую можно было найти: тягач стоял разобранным, водитель лежал после операции, прицеп был списан, контейнер не прошёл городскую камеру. Однако внутренние ворота открывались пропуском Ракитина ровно в тот промежуток, который журнал называл выездом.

— Смена без машины, — сказала Ирина Даниловна, закрывая видео.

— Машина могла быть другая, — возразил Тарасов. — Но запись о ней ложная.

В полдень привезли диспетчера порта Галину Мельник. Андрей вышел в коридор, чтобы не присутствовать при допросе. Через стеклянную дверь он увидел женщину лет сорока пяти в зелёной куртке. Она держала сумку на коленях и непрерывно разглаживала ремень.

Тарасов разговаривал с ней больше часа. Потом позвал Андрея не в кабинет, а к схеме на стене.

— Мельник признала исправление. Первую строку записала с радиосвязи: Ракитин распорядился переместить Р-1148 к С-4. Через двадцать минут он принёс ей пропуск «БалтТранс-Ремонта» и велел оформить выезд на южную базу. Сказал, что внутреннее перемещение отменено.

— Она видела контейнеровоз?

— Нет. Её окно смотрит на стоянку, не на дорогу. В рации слышала голос Ракитина и ещё одного мужчины. Второго не узнала.

— Запись радиопереговоров есть?

— Система хранит трое суток. Сегодня четвёртый день, ночной файл должен был автоматически удалиться в полночь.

— Должен был?

— Архивист сделал резервную копию после смерти Павла. Не по инструкции, а потому что Павел за неделю до этого попросил сохранять ночные переговоры по Р-1148. Копия лежит на отдельном диске, который сейчас изымают.

Павел снова оставил не готовое обвинение, а направление. Он понимал, что записи исчезают через трое суток, и успел попросить человека нарушить привычку автоматического удаления. Эта предусмотрительность не спасла его, но не дала ночи раствориться полностью.

— Мельник знала, почему запись меняют? — спросил Андрей.

— Говорит, решила, что контейнер действительно повезли на базу другим маршрутом. Юдин потом принёс журнал со временем 00:18, и она подогнала свой лист. За это получит отдельную оценку, но пока сотрудничает.

— Ракитин уже знает об изъятии?

— Знает, что полиция работает с журналами. Сегодня он не вышел на смену: сообщил о температуре.

— Проверили дом?

— Наряд разговаривал с ним через дверь. Он дома. Оснований задерживать пока нет.

Слова «пока нет» прозвучали осторожно. Ложный журнал доказывал сокрытие перемещения, но ещё не убийство. Ракитин мог сказать, что защищал коммерческую тайну, исправлял ошибку или выполнял чужое распоряжение. Каждую ложь следовало привязать к предмету, времени и человеку.

Андрей подписал объяснение о разговоре с Сергеем. Перед уходом Тарасов дал ему прослушать короткий фрагмент только что изъятой радиозаписи.

Сначала шёл треск, потом голос диспетчера: «Четвёртый, подтвердите Р-1148 на С-4».

Мужчина ответил: «Подтверждаю. Ворота мои».

Голос принадлежал Ракитину. После паузы другой мужчина сказал: «Платформу тоже туда. Потом смоем».

Два слова Андрей расслышал отчётливо. Тембр казался знакомым, но запись была короткой и искажённой.

— Сергей? — спросил Тарасов.

— Похож. Утверждать не могу.

— Гущин?

— Тоже может быть. Оба говорят низко, оба проглатывают окончания. Нужна экспертиза и длинный образец.

— Хорошо.

Тарасов выключил запись прежде, чем Андрей успел прослушать второй раз.

— Слово «смоем» относится к платформе или к чему-то на ней? — спросил Андрей.

— Из фрагмента неясно. Полный файл длится сорок две минуты. Эксперт снимет шум.

На улице Андрей увидел Марину. Она стояла у входа с папкой в руках и не пыталась пройти внутрь.

— Тарасов вызвал меня опознать голос отца, — сказала она. — В архиве есть его разговор с диспетчером раньше вечером.

— Не спрашивайте про другой голос, пока вам сами не дадут запись.

— Уже знаете, кто там?

— Нет. Знаю только, что контейнер не выезжал на той машине, которую вписали в журнал. Машина была в ремонте.

— Значит, его отвезли к старому складу.

— Есть первоначальная запись о внутреннем перемещении к складу. Её исправили на выезд. Это сильнее предположения, но слабее окончательного вывода.

Марина прижала папку к груди.

— Вы каждый раз оставляете место, чтобы они выкрутились.

— Я оставляю место факту, которого мы ещё не знаем. Иначе там поселится удобная версия. Удобных версий у этого дела уже достаточно.

Она отвернулась к дороге, потом кивнула.

— На папиной записи я ничего додумывать не буду.

Андрей дождался, пока её вызвали, и пошёл к остановке. По дороге пришло сообщение от Тарасова: «Мастерская подтверждена. Журнал ложный. Радио на экспертизе. Не обсуждать с Сергеем».

Он удалять сообщение не стал и Сергею не позвонил.

Вечером, уже в «Маяке», охранник у погрузочного входа сообщил о машине, которая второй раз за час делает круг вокруг здания. Андрей вышел к воротам. Серый микроавтобус стоял у дальней аптеки, водитель не показывался. Номер Андрей записал, но подходить не стал. Через минуту машина уехала.

Проверка по внутреннему журналу показала, что утром этот же микроавтобус доставлял в торговый центр бумагу для офисов. Водитель забыл получить подпись кладовщика и вернулся. Простое объяснение подтвердилось одним звонком.

Андрей подумал о сломанном «Вольво». Если бы кто-то позвонил в мастерскую в ночь смерти Павла, ложная машина исчезла бы из журнала ещё до рассвета. Но расчёт строился на другом: никто не станет проверять обычную строку, потому что дело уже назвали несчастным случаем.

Контейнер никуда не выезжал. Его провели по бумагам через шлагбаум, чтобы на три часа сделать невидимым внутри собственного порта.

А в эти три часа открывались ворота старого склада и звучало распоряжение смыть что-то с синей платформы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.